

Евгений СУХОВ

ФАРТОВЫЙ ЧЕКИСТ

ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов
ФАРТОВЫЙ ЧЕКИСТ
Серия «Деньги на стол, господа!»
Серия «Рожденные
революцией», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972813
Сухов Е. Фартовый чекист : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-64198-7

Аннотация

В 1918 году чекист Егор Сидорчук по поручению начальства передал на хранение красному командиру Николаю Постнову – своему другу и боевому товарищу – ящичек с бриллиантами. Потом Сидорчука закрутило в вихре Гражданской войны: он участвовал в боях с белогвардейцами, подавлял кулацкие мятежи и об истории с бриллиантами не вспоминал. Пока в один прекрасный момент его срочно не вызвали на Лубянку и не попросили разыскать Постнова. Дело в том, что красный командир сбежал, прихватив с собой драгоценности. Он предал Родину. И Сидорчук должен найти и покарать предателя. Найти и покарать своего друга...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	23
Глава 2	37
Глава 3	52
Глава 4	66
Глава 5	80
Глава 6	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Евгений Сухов

Фартовый чекист

Пролог

Замызганный четырехместный «Паккард» въехал на тихую окраинную улочку города Веснянска, утопающую в золоте облетающих берез, протрясая по колее, раскисшей от осенних дождей, и остановился возле аккуратного дома с резными наличниками и крышей, побуревшей от времени. Вокруг теснились похожие домики с серыми заборчиками, рябиной и березками под окнами, с цепными лохматыми псами в глубине дворов.

Ни один из обитателей этих домов не вышел, не взглянул на редкого в такой глуши гостя, прибывшего на четырех каучуковых колесах. Не те были времена, чтобы любопытствовать, тем более что «Паккард» сопровождал еще и грузовичок, в кузове которого сидели бойцы. Их было человек десять. Все в кожаных куртках и таких же картузах с красными звездами, с винтовками, зажатыми между колен. Грузовичок остановился метрах в сорока от головной машины, и вооруженные люди попрыгали в грязь, чтобы размяться после долгой дороги.

Из «Паккарда» вышел огромного роста мужчина с непо-

крытой, рано поседевшей головой, горбящийся от собственной громоздкости. Он медвежьим шагом направился к дому, толкнул калитку, прошел к крыльцу, поднялся и дважды сильно стукнул в темное окошко, машинально пытаясь что-нибудь разглядеть за мутным стеклом, подернутым влагой.

В доме было тихо. Седой обернулся, озабоченно поглядел назад. Его водитель, сунув руки в карманы, ходил вокруг машины и простукивал сапогом колеса, заляпанные грязью.

Седой вздохнул и еще раз постучал в окошко. В прихожей послышался шум, заскрипела дверь, и на пороге неожиданно возникла легкая фигура молодой женщины в сером платье. Она была несомненно красива. Пушистые русые волосы, румянец на щеках, огромные карие глаза, в глубине которых словно таился осенний багровый пожар, изящные белые руки. Еще седой успел заметить ряд пуговиц на сером платье под самое горло, точеную шейку, высокую грудь. В общем, полнейшее безобразие. При таких женщинах он всегда чувствовал себя неловко, не в своей тарелке, и ему приходилось делать немалое усилие, чтобы взять себя в руки.

– Ой, простите! – мягким певучим голосом произнесла женщина. – Я была в дальней комнате, не слышала, как вы стучались. А у нас открыто... Вы, наверное, к Николаю Ростиславовичу?

Голос звучал приветливо, но в глазах так и плясали смеющиеся искорки. Должно быть, ее очень забавляла мрачная фигура гостя в порыжевшей кожанке, перехваченной порту-

пеей, насупленный лоб, заскорузлые пальцы, которыми он мямл поясной ремень, не зная, куда девать от неловкости руки.

– К нему. Дома он? – буркнул седой, спохватился и наконец-то назвал себя: – Сидорчук моя фамилия. Егор Тимофеевич. Будем знакомы, – и добавил с опаской: – А вы кто же ему будете? Квартиру сдаете или как?

Девушка рассмеялась, бесстрашно протянула Сидорчику хрупкую ладошку и сказала:

– Анастасия Сергеевна. Я хозяйка дома. Николай Ростиславович мой постоялец. Не бойтесь, я не враг. Как это у вас говорится?.. Контра, да? – Она опять засмеялась, негромко, но звонко.

Сидорчук не терпел таких шуток и совсем помрачнел. Но трепетная теплая ладонь, которую он осторожно пожал своей задубевшей пятерней, казалась такой беззащитной, такой нежной, что Егор Тимофеевич даже слегка растрогался.

– Вы, барышня, того!.. – строго сказал он. – Как говорится, не дай бог. У нас с контрой разговор очень серьезный. Так я до Николая. Дома он?

– Скоро должен прийти, – объяснила девушка. – Доктор велел ему побольше гулять после ранения. Тут за околицей роща. Березки, тихо... Николай Ростиславович любит там гулять. Да вы проходите в дом! Я вам чаю согрею! И товарищей своих зовите – отдохнете с дороги.

Сидорчук опять обернулся, взглянул на свой автомобиль,

остывающий под осенним ветром, досадливо махнул рукой.

– Некогда нам чаи гонять, барышня! – довольно сурово брякнул он. – А войти придется. Желая посмотреть, что за дом у вас такой. Мы с Николаем Ростиславовичем давненько друг друга знаем. В одной каше варились. Недавно вот в Самаре ту самую гидру контрреволюционную вместе душили. Там ему чешский ефрейтор руку и прострелил. Хотели даже отнять, да хорошо, хирург умелый попался, отстоял, значит, руку. Сказал только, что покой нужен и гимнастика в умеренности. Сняли, значит, его тогда с фронта и сюда вот направили, чтобы окончательно подлечился. Мы с ним списывались. Он мне сообщал, что с хозяйкой живет, только не разъяснил, что с такой...

– С какой такой? – опять засмеялась Анастасия. – Да вы проходите! Что ж на пороге стоять?

Сидорчук, хмурясь, перешагнул порог, тщательно вытер сапоги о тряпку, прошел в комнаты. Внутри было чисто и по-женски уютно. Старая вытертая мебель не портила впечатления, а вызывала ощущение особенной теплоты, старой надежной гавани, спасительного укрытия от бурь. Это чувство совсем не понравилось Сидорчуку.

Шагнув к комоду, он взял в руки фотографию, оправленную в рамочку. Со снимка на него смотрел щеголеватый подпоручик, красавчик с усиками, в золотых погонах и сдвинутой набекрень фуражке. Глаза Сидорчука потемнели.

Он небрежно поставил фотографию обратно на комод и

буркнул:

– Это что же получается, вроде как героя революции у себя приютили, правильное дело делаете, а тогда портрет вот этого субчика в погонах тут при чем? Очень это для меня странно, барышня! Вы сами-то каких убеждений будете? Сдается мне, Николай Ростиславович маху тут дал, не разобрался в обстановке!

– Так это брат мой, Костик! – нимало не смутившись, ответила хозяйка. – Это он перед уходом на германскую снялся. В то время и слова-то такого не было – контра. За отечество сражаться ушел. Никто же не знал!..

– И где же теперь ваш брат, Анастасия Сергеевна? – поинтересовался Сидорчук. – У Деникина?

Миловидное лицо женщины вспыхнуло.

Она выпрямилась, без страха взглянула в глаза суровому гостю и ответила:

– Мой брат – справедливый и честный человек. Он всегда поступал по совести. И на войну ушел по велению сердца. Да, Костик давал присягу царю и никогда ей не изменял, надеюсь. Стыдиться мне нечего, хотя вы, наверное, считаете иначе. Он ушел на фронт в четырнадцатом, и с тех самых пор ни одной весточки от него не было. Где он сейчас, я не знаю, но верю, что брат жив и когда-нибудь вернется домой.

Сидорчук неуступчиво покачал головой, скрипнул ремнями и заявил:

– Вы эти вредные мысли лучше бы про себя держали, да-

мочка! Про царя, значит, и прочее. Мы в ЧК за такие мысли, знаете, что делаем? Домой он вернется! Он-то, может, и вернется, да только дом теперь не тот! Наш это теперь дом! И будет нашим на вечную вечность. А эксплуататорам трудового народа...

– Да какой же Костик эксплуататор! – воскликнула Анастасия Сергеевна. – Он справедливый и добрый человек. Брат за народ кровь проливал!..

– Вы про народ-то поосторожнее! – оборвал ее Сидорчук. – Народ сам кровью истекает. Да, на фронтах, где вот такие хлыщи-золотопогонники свою доброту показывают. Я вон летом под Орлом с кулацкими бандами сражался. Много они наших там положили, подлюги!.. А во главе у них, между прочим, офицеры были, такие самые, которые присягу императору приносили. Может, и ваш братец там повеселился...

– Да что вы такое говорите! – выкрикнула Анастасия Сергеевна, и в глазах ее мелькнула тревога. – Не станет мой брат стрелять в народ. Не станет! Мы совсем по-другому воспитаны.

– Про воспитание ваше ничего не знаю и знать не хочу, – отрубил Сидорчук. – Только для родственника вашего лучше будет, если он и взаправду на германской погиб. А ежели нет, то лучше бы ему сюда никогда не возвращаться, потому что с эксплуататорами трудового народа и прочей контрой у нас будет разговор короткий. Пощады они не дождутся, не

заслужили!

Женщина не нашлась, что ответить, но посмотрела на Сидорчука с некоторым недоумением. Она не испугалась, однако явно обеспокоилась – не за себя, а за своего постояльца. Ей уже начинало казаться, что такой сердитый гость за добром не придет, и лучше бы было, если бы эти двое не встретились.

Наверное, именно поэтому Анастасия еще раз постаралась перевести разговор в более спокойное русло:

– Я слышала, что у вас в ЧК не церемонятся с врагами, но, уверяю вас, Егор Тимофеевич, мой брат не враг! Он смолоду сочувствовал революционным настроениям и даже имел из-за этого неприятности по службе. Да и стоит ли обрушивать на его бедную голову громы и молнии, когда неизвестно, жив ли он? Эта мысль не дает мне покоя ни днем, ни ночью. Это моя непрекращающаяся боль, понимаете?

– А я не утешать вас приехал, – заявил Сидорчук. – Для меня вы никто и звать вас никак. Меня другое смущает. – Он резко взмахнул рукой. – Эх, да чего там! Значит, про брата вам ничего не известно. Ну а родители ваши?.. Вы одна тут живете?

– Родители мои погибли в Петрограде в семнадцатом при невыясненных обстоятельствах, – сказала Анастасия почти бесстрастно, как человек, давно свыкнувшийся с мыслью о неизбежной потере. – А это дом моей тетки. Она тоже умерла. У меня на руках, в начале этого года. Вот теперь я тут

и живу в одиночестве. Спасибо, Николай Ростиславович согласился снять у меня комнату. Мне не так скучно, и все-таки какие-то средства к существованию. Сама-то я делать ничего не умею. – Она неловко усмехнулась и посмотрела на Сидорчука своими глубокими карими глазами.

От этого взгляда у него опять что-то перевернулось в груди, обдало крепким жаром. Подобные чувства мрачный и безжалостный Сидорчук испытывал настолько редко, что воспринимал их как позорную и коварную болезнь, неприличную для мужчины. Он намертво сжал зубы и глубоко втянул носом воздух. Сладкий морок постепенно уходил из груди.

– Это плохо, когда ничего не умеете, – назидательным тоном сказал Сидорчук. – Теперь слуг не будет. На всей земле останется только трудовой человек. Белоручек мы изведем, уж не обессудьте, барышня! Попили из нас крови, хватит!

– Да какой же крови?.. – Хозяйка дома тихо вздохнула. – Что вы такое говорите? У меня никаких слуг нет и никогда не было. За домом я сама присматриваю. Обед сварить, постирать – все сама. Я в другом смысле не умею. Работы ведь сейчас нет. К чему себя применить?

– А сейчас один путь – на всемирную революцию! – торжественно объявил Сидорчук. – Не найдете своей дороги – пропадете, барышня. Да что мы с вами все лясы точим? Вы мне дом покажите, все до последнего уголка.

Анастасия Сергеевна была удивлена, но не стала этого

демонстрировать. Странному гостю, кажется, действительно было крайне интересно, очень даже важно оглядеть дом. Он обошел все комнаты, сунул нос в каждый угол, даже взобрался на чердак и залез в подпол. При этом Сидорчук кричал, сопел и морщил лоб, напряженно о чем-то размышляя. Анастасия Сергеевна молча ходила за ним, теребя в пальцах платочек и чувствуя себя почти посторонней.

Небольшой конфуз случился в комнате Николая Ростиславовича, где гость углядел среди подушек что-то кружевное, никак не имеющее отношения к жилищу мужчины, особенно солдата. находка заставила Сидорчука еще крепче сжать челюсти и мысленно отпустить в адрес боевого товарища крепкое ругательство. Но вслух он больше ничего не сказал, не попрощался с хозяйкой, вышел на крыльцо и там стал ждать нужного ему человека.

Отряд, сопровождавший его, рассыпался вокруг грузовика. Бойцы в кожаных куртках и фуражках с красной звездой на околыше смеялись и курили, забросив за спину винтовки с примкнутыми штыками. Тихая улица была пуста. Местные жители не рисковали высовывать наружу даже носа, гадая, надолго ли обосновались в их краях такие опасные люди. Сидорчуку не нравилось, что приходится крутиться здесь, на самом виду, но Николай Ростиславович не спешил возвращаться с прогулки.

Сидорчук уже собирался отправиться на поиски, как вдруг заметил человека, неторопливо бредущего вдоль забо-

ра. Тот был одет в старое пальто и кепку. Левая рука висела на черной тряпке, перекинутой через шею. Исхудавшие бледные щеки обрамляла борода.

– Постнов! – крикнул Сидорчук, и его грубое лицо невольно расплылось в улыбке. – Постнов, чертяка!

Несмотря ни на что, он не смог в этот миг сдержать радости, видя старого товарища живым и почти здоровым. Егор Тимофеевич быстро пошел навстречу по грязи и лужам. Через минуту он уже сгреб раненого друга в объятия.

– Эй! Постой! Больно! – тихо сказал Постнов, стараясь выбраться из стальных тисков. – Ты все такой же медведь! А я, брат, никуда не гожусь. Раскис.

Сидорчук опомнился и отпустил Постнова. На его лице отобразилось смущение.

Он любовно придержал за плечи побледневшего товарища и прогудел смущенно:

– Ну, прости дурака! Совсем ведь забыл про твою руку! Вижу, идешь как ни в чем не бывало, вот и набросился. Нынче ведь времена какие!.. Сегодня разошлись, и уж не знаешь, даст ли бог свидеться завтра.

– Ты чего это про бога вспомнил? – прищурился Постнов. – На тебя не похоже.

– А! Видать, въелось в нас это старорежимное, враз не вытравишь! – с досадой сказал Сидорчук. – Оно даже тяжелее, чем оборону держать по всем фронтам. Ты, верно, слышал, что в республике-то делается? Прет вражина со всех сторон!

На Украине гетман никак не угомонится, на Печоре белогвардейщина голову поднимает, Деникин, Антанта... На самого Владимира Ильича, на дорогого вождя нашего, покушение совершено.

– Да, слышал, – сказал Постнов. – Положение сложное. А я вот тут труса праздную. – Он с сожалением показал на перевязанную руку. – Стыдно!

– За рану, полученную в бою с врагами республики, стыдиться нечего! – с пафосом воскликнул Сидорчук, потом словно вспомнил что-то неприятное и добавил с неохотой: – Другого стыдиться надо...

Постнов вскинул голову, с интересом посмотрел на товарища и спросил:

– Ты это о чем? Не про меня ли это? Что-то я ничего не понимаю. Чего же мне еще стыдиться?

Сидорчук взглянул на него из-под насупленных бровей. К Постнову он всегда испытывал теплое, почти родственное чувство, как старший брат к младшему. Нравился он ему, даже несмотря на то, что происхождение у Постнова было не вполне пролетарское.

Николай родился в семье священнослужителя, отличался правильной, чересчур грамотной речью, интеллигентными чертами лица и деликатными манерами. Искупало эти недостатки то, что Постнов рано порвал с семьей, ушел из дома и целиком отдался революционной работе. Начинал у эсеров, был на баррикадах в девятьсот пятом, оказался в ссылке, бе-

жал, в четырнадцатом вступил в РСДРП, брал в семнадцатом власть в Петрограде. В общем, биография у человека была хоть куда.

Они встретились в семнадцатом при весьма драматических обстоятельствах – впятером отбивались от толпы юнкеров. Потом вместе поступили в ЧК и уже не расставались до того момента, как Постнов был тяжело ранен. Одним словом, претензий у Сидорчука к боевому товарищу до сих пор не было. Былая связь с левыми эсерами не в счет. Кто старое помянет, тому глаз вон. Тем больше Егору Тимофеевичу было осознавать, что с бойцом, преданным делу революции, происходит что-то странное.

Сидорчук некстати вспомнил про кружева, замеченные им в комнате Постнова, даже покраснел от досады и буркнул:

– Я тебе не судья. Ты вроде из пеленок давно вырос. Вон борода даже!.. Только, по правде сказать, не нравится мне твой выбор.

– Странный ты какой-то, Егор Тимофеевич! – засмеялся Постнов. – Раньше ты понятней объяснялся. А сейчас все шарадами какими-то. Какой мой выбор ты не одобряешь? Я ведь последние месяцы мало что сам выбирал. Руку мне прострелить без меня решили, сюда в Веснянск определили – тоже со мной не посоветовались.

– Я про хозяйку твою говорю, – сказал Сидорчук. – Уж больно неподходящее для нас это соседство. Съезжать тебе с квартиры надо, Николай!

Постнов поднял брови и стал пристально разглядывать товарища.

– С чего это? – довольно сухо спросил он наконец. – Меня все устраивает.

– Это нам понятно, что тебя все устраивает, – сердясь и сбиваясь, заговорил Сидорчук. – Кружавчики, подушечки, теплая баба под боком. Забыл, какое время на дворе? Забыл? А я тебе напомню! Или голубая кровь взыграла, а, Николай Ростиславович?

Переход от чистосердечной радости почти к ненависти совершался у Сидорчука мгновенно, без всяких усилий. Постнов знал эту особенность боевого товарища, потому спокойно воспринял неприятные слова.

– Очумел, что ли, Егор Тимофеевич? – спросил он. – Какая голубая кровь? Мать моя прачкой была, отец из разночинцев, своим горбом в люди выбился. Ты меня в дворяне записал, значит? Забыл, как мы вместе?..

– Я все помню, – сурово сказал Сидорчук. – Только кое-что своими глазами вижу. Нежности разводишь, амуры, а я к тебе с серьезным заданием. Таким, что предельной собранности требует. Меня, между прочим, сомнения берут, что ты теперь поручение партии выполнить сможешь...

– А ты не сомневайся, – перебил его Постнов. – Нет у тебя на это права! Я любой приказ партии выполню, хоть бы для этого пришлось жизнью пожертвовать. Я хоть сейчас...

Он вдруг рассвирепел. Его лицо, только что казавшееся

вполне добродушным, исказилось и еще больше побледнело. Он принялся срывать с шеи черную повязку, на которой покоилась раненая рука.

Сидорчук схватил его за локоть, сжал как тисками и произнес тихо, но грозно:

– Спокойно! Без истерик! Ты, красный командир, революционер, а нервы показываешь, точно институтка!

Постнов дернулся, безумными глазами уставился в лицо Сидорчука, потом как-то сразу обмяк и сказал виновато:

– Это правда, с нервами плохо дело. С тех пор как запихали меня сюда, поверишь, ни единой ночи нормально не спал. Вот что рвет душу-то, понимаешь? Дождь в окно стучит, а мне чудится, что это за мной идут. Стыдно сказать, но с винтовкой в руках, под пулями я себя лучше чувствовал. А ты меня женщиной упрекаешь! Что ж, хорошая женщина. Может, и получилось бы у нас что-то, но сам понимаю, не время! Если честно, даже рад, что ты меня забираешь.

– Я тебя не забираю, – сказал Сидорчук.

– То есть как? – Постнов недоумевающее уставился на него. – Почему не забираешь? Ты же сказал – задание?

– Это особое задание, – пояснил Сидорчук, понижая голос, хотя никто не мог их слышать на почти пустой улице. – Это задание такого рода, что тут не надо ни шашкой махать, ни из нагана палить. Хотя при нужде и этим придется заняться. Но главное здесь – конспирация, стальные нервы и терпение, смекаешь?

– Нет.

– Давай-ка пройдемся, – предложил Сидорчук. – Признаюсь, не нравится мне твое настроение, Николай! Да и обстановка тут у тебя мне не по душе. Но руководство рассудило, что ты справишься. Еще когда тебя сюда направляли, уже тогда все было решено. Хочешь не хочешь, а доверие партии нужно оправдать. Кровь из носу! Напортачишь – к стенке!

– Да ты не страшай! – поморщился Постнов. – Вот честное слово! Нашел, тоже мне, кого пугать! Ты лучше толком объясни, в чем дело! Задание, доверие, это все понятно. Ты к сути переходи.

– А суть такая, – строго произнес Сидорчук, невольно распрямляя спину, словно на параде вышагивал. – Суть такая, что ты должен организовать у себя хранилище, тайник, банк своего рода. Обстановка какая в республике, ты знаешь не хуже моего. Бороться будем до последнего, но враг силен. Все может приключиться. На крайний случай партия определила подготовить пути отхода.

– То есть как это отхода? На попятную, значит? – Постнов до боли сжал здоровый кулак.

– Не на попятную, а пути отхода, – назидательно повторил Сидорчук. – Образованный человек, воевал, значит, должен понимать разницу. В любых обстоятельствах нужно сохранить ядро нашей партии, вождей наших, Владимира Ильича. Случись худшее, мы должны будем уйти в подполье, даже уехать за границу и оттуда продолжать борьбу. Стратегия!

Из искры возгорится пламя! Я за тебя лично поручился перед товарищем Дзержинским! Понимаешь теперь, какое тебе оказано доверие?

– Понимаю. И что же мне поручено хранить? – недоверчиво морща лоб, спросил Постнов.

– Бриллианты, – сказал Сидорчук. – Целых три фунта. Сам-то я в них толку не вижу, но знающие люди говорят, что несметных денег эти камни стоят. Из каких-то царских коллекций. Еще документы, паспорта заграничные. Все добро в железном ящичке с хитрым запором. Ты должен своей рукой заверить опись ценностей, которые я тебе передаю на хранение. Одна бумага у тебя остается, другую я в Москву отвезу. Значит, береги этот сундучок как зеницу ока, чтобы ни одна контра о нем не пронюхала. Сам понимаешь, что будет, если не убережешь. Оружие у тебя имеется на крайний случай?

– Наган да десятка два патронов, – сказал Постнов.

– Дам тебе пяток лимонок и патронов добавлю, – пообещал Сидорчук. – Ну, и это... Деньги кое-какие тебе тут выделены на прожитье. Баринном будешь жить.

– Это все хорошо, – заметил Постнов. – Только дальше-то что? Долго мне здесь куковать? Если откровенно, я когда тебя увидел, надеялся, что ты меня с собой заберешь. На фронте от меня больше пользы было бы.

– На фронте от тебя с одной рукой больше вреда, чем пользы, – мотнул головой Сидорчук. – Да и в тылу сейчас не лучше. Везде контрреволюция голову подымает. Схватка

не на жизнь, а на смерть. Без жалости. А ты выздоравливай. И с барышней поосторожнее! Не нашего она поля ягода. Белая кость. Мои слова тебе не по вкусу – вижу, но ты их на ус намотай. Я людей лучше знаю. От таких вот дамочек чего хочешь можно ожидать!..

– Ладно, не маленький! – буркнул Постнов. – Так пойдем в дом. Там опись проверим, перекусим, чем бог послал.

– Некогда мне, – возразил Сидорчук. – Возвращаться надо. Каждая минута на счету. Камушки вот проверить если...

– Да что там! – махнул рукой Постнов. – Тебя сам Держинский послал, а я пересчитывать буду? Давай свои бумаги, не глядя подмахну.

– И то дело, – с облегчением сказал Сидорчук. – В машине они у меня. И груз там же. Припрячь понадежнее и глаз не спускай. А придет день, объявится тут человек и скажет: «Закат нынче алый, должно быть, к буре». Ты ему ответишь «Рассвет будет еще алее». Запомнил? Он покажет тебе мандат и объяснит, что делать дальше. А пока твое дело – караулить. С барышней будь поосторожнее. Может быть, съехать тебе от греха подальше? От этого бабьего вопроса много нашего брата пострадало. Но тут суть не в тебе и не во мне. Мировая революция под ударом! Ты вот о чем помни!

– Про это мог бы и не говорить, – хмуро сказал Постнов. – А съезжать я никуда не буду. Анастасия Сергеевна – хорошая женщина, хотя и из дворян. В мои дела не суется. Между прочим, идеи мировой революции поддерживает.

– Ох, не верю я в таких благодетелей! – с тяжелым вздохом произнес Сидорчук. – Смотри, головой ответишь, если что! Ну да ладно, пойдём!

Тяжело ступая, он повел Постнова к автомобилю. Бойцы, толпившиеся у грузовика, невольно подтягивались, ловили его взгляд, поправляли на плече винтовки. К Постнову они присматривались с сомнением. Эти люди прикатили в такую даль, зная, что выполняют серьезное задание партии, были готовы к опасности и ждали ее, имели право на недоверие.

Но Сидорчук-то знал Постнова как облупленного и не должен был в нем сомневаться. Все дело было в Анастасии. Николай Ростиславович понимал это. Наверное, Сидорчук был сделан из железа и никогда не хотел женского тепла, ни разу не влюблялся. Об этом даже подумать было смешно. При этом он воображал, что отлично знает женщин. «От этого бабьего вопроса много нашего брата пострадало!»

Между прочим, революция дала женщинам те же права, что и мужчинам, вырвала их из векового рабства, дала им возможность строить новый мир. А женщина с такой чуткой душой, как Анастасия, просто не способна на предательство и подлость. Постнов был убежден в этом.

Навстречу им из «Паккарда» выскочил маленький, заметно скособоченный человек, тоже весь в коже, на носу пенсне, в руках объемистый металлический ящик с ручкой.

– Не спеши, Яков! – сказал ему Сидорчук. – Здесь все оформим. Расскажешь товарищу, что и как, и в путь. Пора

нам.

Через десять минут все было кончено.

Сидорчук порывисто обнял Постнова, тут же оттолкнул его от себя и мрачно сказал:

– Удачи тебе! Помни, какое дело тебе партия доверила. Крепко помни! Ну и вообще, выздоравливай! Свидимся еще!

Он грузно уселся в машину и захлопнул дверцу. «Паккард» зачихал, задымил и устремился вперед, разбрызгивая грязную воду из луж. Набирая ход, покатыл вслед за ним и грузовик с бойцами, нахохлившимися в кузове. В сером воздухе тускло светилась влажная сталь штыков.

Постнов проводил взглядом невеликую кавалькаду и неторопливо пошел к дому, крепко сжимая ручку ящичка. Он знал, что Анастасия уже давно наблюдала за ним из окна. Нужно было придумать, как объяснить этот неожиданный и странный визит, чтобы не вызвать подозрений, не осложнить жизнь, и без того непростую.

Глава 1

Сидорчук медленно шагал по Никольской улице в направлении Лубянской площади. Вокруг тихо шелестела весенняя листва, куда-то спешили прохожие, весело и требовательно гудели клаксоны автомобилей, сверкали витрины под заманчивыми вывесками: мясные лавки, рестораны, парикмахерские, ателье. Везде кипела новая, непонятная Сидорчуку жизнь. Откуда-то выкатились субтильные напомаженные юнцы в лаковых штиблетах, по-змеиному гибкие дамочки в обтягивающих платьицах, не закрывающих круглых розовых коленок. Солидные буржуа в полосатых пиджаках и галстуках разводили пальцы, унизанные золотом.

Вся эта братия подняла головы, после того как в стране была объявлена новая экономическая политика. Да, мера временная, вынужденная, но эти-то рассуждали совсем иначе. Сидорчук знал, что такая вот публика снова заговорила о скором падении республики Советов. Эти люди рассчитывали снова сделаться господами. Они собирались загребать лопатой деньги, кутить по ресторанам, нюхать кокаин и пить шампанское.

«А вот хрен вам! – мрачно думал Сидорчук, натыкаясь взглядом на вывеску очередного кабака. – Зубами глотки грызть буду, а не позволю господам назад вернуться! Нет уж, даже пусть не мечтают».

По мостовой мимо Сидорчука, отбивая шаг, прошел взвод красноармейцев. Молодые крепкие ребята с красными лицами, должно быть, возвращались из бани. Они дружно и грозно пели: «Но от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее!»»

«То-то и оно! – немного воспрянув духом, подумал Сидорчук. – Не взять вам, сволочи, рабоче-крестьянскую!.. Ни за что не одолеть!»»

Он незаметно вышел к зданию ОГПУ. Возле сумрачного многоэтажного строения было немногочисленно и тихо. Прохожие старались обогнуть это место стороной. Сидорчук же, наоборот, чувствовал себя здесь как дома.

Предъявив пропуск, он прошел мимо часовых у входа и поинтересовался у дежурного:

– Скажи-ка, браток, где мне найти товарища Зайцева? Вызвали, понимаешь, телеграммой, а номер кабинета не указали.

– Зайцев? Второй этаж, в самом конце, – объяснил дежурный. – На двери литера «А». Разберетесь.

Сидорчук зашагал по широкой лестнице на второй этаж. Эта фамилия не была ему знакома, но грозная телеграмма, срочно отзывавшая Егора Тимофеевича в столицу, свидетельствовала о том, что в структуре ОГПУ товарищ Зайцев имеет некий вес. Сидорчук занимался под Костромой слишком серьезными делами, чтобы его могли вот так просто сорвать с места.

Откровенно говоря, Сидорчук был рад возвращению. Слишком тяжело давалось ему противостояние с тем злым народом, что бузил по костромским деревням. Ясное дело, гадил кулак, но шли-то за ним трудовые крестьяне, с заскорузлыми мозолистыми руками, с животами, подтянувшимися от голода, с глазами, в которых навеки затаилось недоверие к любой власти. Сидорчук чувствовал, что должен что-то объяснить этим людям, подсказывать им, как выбраться на верную дорогу, научить терпению, но ничего у него не получалось. Приходилось арестовывать, грозить, стрелять, тянуть нервы себе и всем прочим. Он устал.

«Видно, годы уже подходят, – мрачно размышлял Егор Тимофеевич, шагая по коридору и разглядывая высокие, наглухо прикрытые двери. – Укатали сивку крутые горки. Думал, что двужильный, сносу не будет! Да, видно, всему есть предел».

Он уже достиг конца коридора, и взгляд его уперся в табличку с литерой «А» на последней двери. Она была закрыта, но перед ней уже прохаживался посетитель.

Этот человек Сидорчуку категорически не понравился. Вид его совершенно не соответствовал ни духу времени, ни месту, где собирались суровые люди, рыцари революции, не знающие ни отдыха, ни комфорта.

Это был крепкий высокий господин. Сидорчук даже мысленно не мог назвать его иначе! На породистом круглом лице красовались густые холеные усы, простиравшиеся до розо-

вых щек. Лоб высокий с глубокими залысинами. Глаза смотрели добродушно, но с некоторой хитрецей, словно господин знал об окружающих что-то такое, о чем они сами ни за что не сказали бы. Наряжен он был в приличный, хотя порядком вытертый костюм, носил галстук и шляпу, то есть идеально подходил под определение «старорежимная морда». Через локоть у него было переброшено легкое летнее пальтецо, роскошь по нынешним временам необычайная.

Но больше всего Сидорчуку не понравилось, как незнакомец держал спину. Она у него была совершенно прямая, годами натренированная на плацу. Только шашки у пояса не хватало. Вместо клинка господин держал в пальцах дымящуюся папиросу. Когда Сидорчук с ненавистью посмотрел на него, он слегка насмешливо поклонился.

Сидорчук на это никак не отреагировал. Он давно научился сдерживать внезапные порывы, но в душе у него взметнулась такая буря, что даже в глазах потемнело.

«Ну уж нет! – с яростью подумал Егор Тимофеевич. – Ранно мне на покой. Пока вот такие поганят землю, я еще нужен! Пока не выьем последнюю белогвардейскую сволочь, Сидорчук останется в строю, так и запишите!»

Он даже почувствовал новый прилив сил и рванул на себя тяжелую дверь кабинета так, будто белогвардейца из седла выхватил.

Кабинет, куда попал Сидорчук, был совсем небольшой – узкая неприбранная комната с единственным окном, у ко-

торого за конторским столом сидел худой серьезный человек лет сорока в защитном френче без знаков различий. Он услышал шум двери, поднял голову и вопросительно уставился на вошедшего.

– Сидорчук. По телеграмме, – объяснил Егор Тимофеевич. – Прямо из Костромы. Зайцев – это ты, значит?

– Зайцев – это я, – сказал худой человек. – Ждал тебя. Бери стул, товарищ, и садись поближе. Разговор у нас длинный будет.

Он говорил медленно, с задержками, словно мучительно припоминал каждое слово. Над левым ухом среди темно-русых волос белел застарелый шрам, вероятно, от сабельного удара.

«Этот пороху понюхал, – с удовлетворением подумал Сидорчук. – Наш человек, геройский. Только, видать, головой контуженный».

– Ну и как там, в Костроме? – спросил Зайцев, глядясь в темное лицо Сидорчука. – Из первых рук, так сказать.

– Да что – мутит кулак воду, – нахмурился Сидорчук. – Тень на плетень наводит. Восстанавливает крестьян против народной власти. Тут ведь дело какое? Беднота с налогом не справляется, идет на поклон к тому же кулаку – и что получается? Выходит опять то же рабство. Бедняк, он целиком от кулака зависит, кругом ему должен. Вот и пляшет под его дудку. Доходит до того, что в селах массово нападают на милиционеров, уполномоченных, представителей власти.

Избивают, оружие отымают. Были случаи смертоубийства. Опять же лозунг, мол, даешь Советы без коммунистов! Это куда годится?

– И что, никаких сдвигов?

– Да как сказать... Это как огонь в лесу. Тут затопчешь, а уже, глядишь, рядом занялось. Да вот в неурочный час уехать пришлось. Очень бы мне там сейчас быть надо, товарищ Зайцев. Вот, значит, какое дело.

– Ну, думаю, там все-таки и без тебя справятся, – напряженно подбирая слова, сказал Зайцев. – Тебе, товарищ Сидорчук, другое дело припасено. Тут без тебя не обойдешься.

– Это что же такое за дело? – недоверчиво спросил Егор Тимофеевич. – И почему меня к тебе направили? До сих пор у меня командиром товарищ Селиверстов был – разве не так?

– Он таковым и остается, – кивнул Зайцев. – Только это приказ самого товарища Держинского. Ты поступаешь в мое распоряжение в составе спецгруппы с широкими полномочиями. Сам ее и возглавишь. Связь же будешь держать исключительно со мной. Когда представится такая возможность, разумеется. Максимальная осторожность и конспирация.

– Это понятно, – кашлянул Сидорчук. – А делать-то что надо? Я ведь до сих пор в третьем отделении. По борьбе с антисоветской деятельностью. Секретный отдел...

– У нас точно такой же, – перебил его Зайцев. – Времен-

ный, но с особыми полномочиями. Документации никакой мы не ведем, все на честном партийном слове. В таких условиях особое внимание подбору людей, согласен? Ну, насчет тебя у нас сомнений никаких нет, тем более что дело это твоё сто процентов. Восемнадцатый год помнишь? А город Веснянск? Ну, смекнул наконец-то?

На узком лице Зайцева появилось что-то отдаленно напоминающее тихую радость. Грубое лицо Сидорчука, напротив, выражало недоумение.

– Было дело, – сказал он. – Направляла меня партия. С особым поручением. Разглашать не имею права.

– Ты передал гражданину Постнову Николаю Ростиславовичу, проживающему в городе Веснянске, немалые ценности, принадлежащие республике, – хладнокровно произнес Зайцев. – Бриллианты. Как видишь, я вполне осведомлен. Более того, именно этим вопросом я и занимаюсь. Только им. Потому что произошло крайне неприятное событие. Из ряда вон, как говорится.

– Что ж такое приключилось? – заволновался Сидорчук. – Не томи, товарищ Зайцев. Я человек простой, загадок этих не люблю. Крой так, как оно есть!

– Я и сам терпеть их не могу, – строго заметил Зайцев. – Только вот эту задачку нам с тобой придется разрешить. Приказ с самого верха идет, от Совнаркома республики. Не выполним – сами преступниками будем. Все ясно?

– Да ничего мне не ясно! – уже сердито буркнул Сидор-

чук. – Туману напустил такого, что и в двух шагах ничего не разглядишь.

– Сейчас я тебе этот туман развею, – пообещал Зайцев. – Слушай сюда внимательно. Не далее как месяц назад вышло секретное постановление. Все ценности, отданные на хранение, надо вернуть обратно в казну. Человек, который должен был принять от Постнова секретный груз под роспись, прибыл в город Веснянск, но гражданина Постнова по указанному адресу не обнаружил. Он предпринял некоторые шаги, чтобы выяснить новое место жительства Постнова, узнать хоть какие подробности, но все тщетно. Постнов как сквозь землю провалился. Ни человека, ни драгоценностей! Ну, сам понимаешь, знает обо всем этом ограниченный круг доверенных людей. Огласка никому не нужна. Наш человек не стал превышать полномочий и вернулся в Москву. Случай очень неприятный. Одним словом, Постнова необходимо найти, ценности – вернуть. Ты их отправлял, тебе и возвращать. Тем более что с Постновым ты хорошо знаком, так ведь?

– Получается, что не слишком хорошо, – мрачно сказал Сидорчук. – Как же это так, а? Был человек – преданный партиец, большевик, пламенный борец за дело мировой революции, и вдруг... Не верю!

– Правильно не веришь, – поддакнул Зайцев. – Я и сам сомневаюсь. Тут ведь дело какое?.. В девятнадцатом году в Веснянск неожиданно вошли белые. Какой-то кавалерий-

ский отряд прорвал фронт, ворвался в город. Беляки, как положено, учинили там резню, коммунистов искали, сочувствующих, ну, сам понимаешь.

– Думаешь, вышли на Постнова? – мрачней больше обычного, спросил Сидорчук.

– Думать да гадать можно сколько угодно, – веско произнес Зайцев. – Только пусть этим бабки занимаются. А нам с тобой точные сведения нужны. Одним словом, собирайся, товарищ Сидорчук, и в путь! Мотор получишь, людей, деньги – в новых червонцах, между прочим. Не шикай только, – скупно улыбнулся он. – Задача у тебя, в сущности, простая. Надо найти Постнова, выяснить, что случилось с бриллиантами, и постараться вернуть их!

– Я задание партии, конечно, постараюсь выполнить, – сказал Сидорчук невесело. – Только... Какой же из меня, товарищ Зайцев, сыщик? Уходить от царских шпииков приходилось, это да. А вот чтобы самому по следу, прямо как гончей!.. Я человек простой. Мне цель укажи, я сделаю, но в сыщики не гожусь, хоть ты меня режь!

– А это мы тоже учли, – заботливо сказал Зайцев. – Дадим тебе специалиста. Ты будешь общее руководство осуществлять, а поиски на его совести. Станешь присматривать за ним и направлять. Хороший спец, натасканный. Жаль, что старорежимный тип, но до сих пор претензий к нему у нас не было. Несколько раз хорошо нам помог, проявил себя сочувствующим делу революции.

– Знаю я этих сочувствующих! – буркнул Сидорчук. – Одним глазом на сторону метят.

– Все бывает, – согласился Зайцев. – Революционную бдительность еще никто не отменял. За спецами присмотр нужен. Вот ты и займись этим. Почувствуешь неладное – принимай меры. А как же? Революция нуждается в специалистах.

– Не нравится мне это, – резко сказал Сидорчук. – Кроме прямого дела я еще со всякой контрой нянькаться должен.

– Нянькаться тебя никто не заставляет. Будете культурно вместе работать. Говорю же, головастый он. Опыт огромный. Ну и все такое. Этот человек тебе понравится! Да он здесь уже, наверное. – Зайцев встал, быстрым шагом прошагал к двери, открыл ее и удовлетворенно воскликнул: – А! Явился уже! Отлично! Заходи, гражданин Ганичкин! Знакомить вас буду.

Сидорчук обернулся и с глубочайшим неудовольствием узнал того самого господина. Правда, сейчас он уже был без папиросы, но горделивая осанка, иронический взгляд и пижонское пальто остались при нем. С Зайцевым он поздоровался за руку, как с равным, без малейшего смущения. Потом Ганичкин так же энергично протянул ладонь Сидорчуку, но тот даже не встал со своего места, не пожал протянутой руки.

Егор Тимофеевич оценивающе оглядел крепкую фигуру спеца, хмыкнул и хрипло сообщил:

– За ручку с господами не приходилось, не привык. А вот расстреливать вашего брата случилось. Скольких положил – уже и со счета сбился. Прямо скажу, плакать по такому случаю не собираюсь. Наоборот, самая большая радость у меня будет, когда всю вашу господскую породу изведу под корень.

Господин Ганичкин слегка улыбнулся в роскошные усы и спокойно убрал руку.

– Надеюсь, вы не сразу станете меня расстреливать? – осведомился он предельно вежливым тоном. – Не забыли, нам еще вместе работу делать?

– Послушай, Егор Тимофеевич! – укоризненно воскликнул Зайцев. – Это ты сейчас не к месту сказал! И гражданин спец как раз прав. Вам еще работать вместе. Операция под кодовым названием «Диамант» поручена тебе и ему. Что же это за исполнение приказа партии будет, если друг на друга волком смотреть? Это не работа уже, а бедлам какой-то! Прошу учесть тот факт, что состав вашей группы утвержден коллегией, никаких корректив вносить никто не будет! Ты не кисейная барышня. Ганичкин тоже не институтка. Уж как-нибудь найдете общий язык. Иначе спросим с вас обоих по всей строгости революционного закона! Одним словом, прошу любить и жаловать – это вот Сидорчук Егор Тимофеевич, а это Ганичкин Алексей Петрович. В основные детали он посвящен. Нужные подробности сообщишь по ходу дела.

– Ясно, – хмуро сказал Сидорчук. – Еще кого мне даете? Больше спецов не будет?

– Шофера тебе даю, проверенного парня. Егоров Степан, из потомственных рабочих. Между прочим, на Южном фронте командующего возил. Был ранен, после излечения к нам направили. Ответственный товарищ, отважный. Молчалив, правда. Но это вряд ли серьезный недостаток.

– Молчание золото, – улыбнулся Ганичкин.

– Вот и я о том же, – кивнул Зайцев и продолжил: – Ну и еще один сотрудник – Василий Чуднов. Молодой совсем, но зарекомендовал себя неплохо. Стреляет, между прочим, отменно. Заносит его иногда, удаль любит показать. Так ты ему много воли не давай.

– Не дам. Еще кто?

– А больше никого. Вчетвером будете. Чай не в тыл врага отправляетесь. Полномочия вам дадим, мандат такой, чтобы везде, так сказать, зеленая улица. Мотор для вас приготовлен совсем новый, в ремонте ни разу даже не побывал. Так чего же вам еще? Все прочее от вас зависит.

– Ладно, а где все остальные?

– Сегодня я им увольнительную дал, – объяснил Зайцев. – С семьями повидаться. У Егорова жена, у Чуднова мать старенькая. Они оба месяц в отъезде. Выполняли задание вроде твоего, только подальше, на Украине. Пусть отдохнут малость. А завтра с утра отправляйтесь. Я тебе сейчас, Егор Тимофеевич, все необходимые документы оформлю, деньги получишь – и в путь. Остановился ты где?

– У товарища, – сказал Сидорчук. – Где сбор?

– А прямо у гаражей. Предъявишь ордер дежурному, и вальйте. Я ребятам на восемь утра назначил. Там и познакомитесь. Будут проблемы на месте, прямо в тамошнее отделение обращайся. Они обязаны всемерную помощь вам оказывать. Но если честно, то постарайтесь светиться поменьше. Нам в этом деле огласка не нужна. Чем меньше народу в курсе, тем лучше. Смекаешь?

– Я это первым делом смекнул, – буркнул Сидорчук. – Еще только все начиналось.

– Ну так я пойду тогда? – спросил Ганичкин. – Время и место сбора я теперь знаю. Разрешите откланяться?

Зайцев махнул рукой.

Когда Ганичкин вышел, Сидорчук исподлобья взглянул на начальника и неодобрительно произнес:

– Ишь, кланяется он! Ну и удружил ты мне! Неужто без этого скомороха обойтись нельзя было?

– А ты сам подумай! Говорю тебе, сыщик от бога этот Ганичкин. Своих таких специалистов у нас пока нету. Другими делами занимались, революцию готовили, от этих самых сыщиков и бегали, учиться некогда было. Все поднимать заново надо. Но пока своих спецов не вырастили, приходится привлекать. Да ты не заводись – он проверенный человек. В прошлом раскаялся, служит трудовому народу. Я лично ему доверяю, не безраздельно, конечно, но все-таки. А то, что шляпа на голове, галстук – на это не смотри. Привычки, они намертво прилипают. Он уж, может, и не хочет в галстук, а

рука сама тянется. Да все это чепуха! Ты одно пойми – власть теперь наша. Вся эта шушера у нас вот где! Ходу назад нету. Он в душе-то, может, и враг, но человек умный, понимает, что проиграл. А есть-пить надо? Ну вот он и старается, будет пахать, пока вожжи у нас в руках. Ты ведь отдавать их не собираешься?

– Еще чего! Только все равно не к душе мне это. Ну да ладно, выписывай бумаги, какие грозился. Мне тоже кое-кого повидать хотелось до отъезда.

Глава 2

Им на самом деле выделили новый автомобиль, но на половине пути он неожиданно заглох и потребовал ремонта. Это случилось в десятке верст от небольшого городка. Едва они переехали скрипучий деревянный мост, соединяющий два берега неширокой задумчивой речки, как мотор вдруг зачихал, задержался, а потом совсем замолчал. После непрерывного движения, тряски и многочасового гула двигателя тишина окружающей природы показалась путешественникам чем-то ошеломляющим и необычайным. Некоторое время они сидели оглушенные и с каким-то недоверием осматривали окрестности.

Солнце уже перевалило высшую точку на небосклоне. Слабый ветерок шевелил листву на ветлах, густо облепивших берега. В синем небе на головокружительной высоте плавал одинокий ястреб. Все обещало хорошую погоду. Впереди, совсем близко зеленел небольшой лесок. Дорога, по которой им следовало ехать, ныряла в тени старых дубов и исчезала в чаще леса.

Судя по карте, по ту сторона леса в долине должен был лежать городок под названием Белогорск. Шесть тысяч населения, две мельницы, кожевенный завод, артель стеклодувов, две школы, четыре сохранившиеся церкви. Но до него еще надо было как-то добраться.

Первым опомнился водитель. Он что-то буркнул себе под нос, с нескрываемым раздражением толкнул дверцу, вылез наружу, ни на кого не глядя, откинул крышку капота и принялся копать в моторе.

За ним потянулись остальные. Ганичкин, отправляясь в дорогу, поменял шляпу на фуражку с квадратным козырьком, нацепил потертое, изрядно пропылившееся полувоенное обмундирование.

Он полез в карман за папиросами, потом широко расправил плечи, втянул носом воздух и с удовольствием пробормотал:

– Благодать-то какая!

Вася Чуднов, жилистый, белокурый, улыбчивый парень с мечтательными серыми глазами, тут же подкатился к нему и весело проговорил:

– А пожалте папиросочку, господин бывший, в пользу пролетарской революции! Будьте такие добренькие!

Ганичкин изогнул бровь и с преувеличенной любезностью протянул Васе коробку.

Тот ловко выхватил из нее две папиросы и крикнул шоферу:

– Степан, закуришь? Господа нынче угощают! Не зевай!

Степан что-то пробурчал, не поднимая головы. Васька махнул рукой, примостил одну папиросу за левым ухом и отвернулся. Ганичкин поднес ему зажженную спичку. Васька торопливо прикурил и с наслаждением затянулся дымом.

Сидорчук с неодобрением посмотрел на него и подумал:

«Чистый жеребчик. Не нагарцевался еще! Все ему на смех. Ну и удружил Зайцев! Задание, вишь ты, серьезное – дальше некуда, а в помощь дал молчуна, гармониста да жандарма недобитого. На тебе, боже, что нам негоже! И мотор – говорил, что исправный, а тот возьми и откажи! Все наперекосяк».

Он приблизился к шоферу, который с головой погрузился в стальные кишки автомобиля, и спросил:

– Ну и что тут у тебя?

– Масло, – лаконично ответил Егоров, даже не обернувшись.

Сидорчук, который ничего в двигателях не понимал, с уважением посмотрел на шофера и отступил. Он даже не решился спросить, что не так с этим загадочным маслом и есть ли надежда на скорое возобновление движения. Сам Егоров счел свое объяснение исчерпывающим и не произнес больше ни слова.

Все, кажется, были даже рады неожиданной остановке. Господин Ганичкин важно прогуливался взад-вперед по шелковой траве, щурился на солнце и с наслаждением затягивался ароматным табачным дымом. Вид у него был как у породистого кота, до отвала наевшегося сметаны.

Вася Чуднов прилег в сторонке, оперся на локоть и мечтательно рассматривал зеленеющий лес. Из лихо закушенной папиросы в небо сочилась почти прозрачная струйка.

Расслабленная атмосфера весеннего дня подействовала и на Сидорчука. Он прошелся по берегу, разминая ноги, затекшие от поездки, вдыхая аромат полевых цветов, свежей зелени и прохладной реки. В воздухе жужжали и вспыхивали искрами бронзовые жуки. Егоров, не разгибаясь, продолжал копаться в моторе.

Сидорчук почувствовал неловкость. Он не был виноват в задержке, да дел никаких у них сейчас не имелось, но это невольное безделье вызывало у Сидорчука недовольство собой. Ему казалось, что он теряет нити управления своей командой. Эти люди были для него чужими, особенно Ганичкин. Он ничего о них не знал, в настоящем деле не проверил и не представлял, на что они способны. Зайцев их хвалил, но пока свою характеристику оправдывал только Егоров, да и то с оговорками – мотор у него все-таки сломался.

«Что ж он так долго копается? – сердито подумал Сидорчук, кося глазом на согнутую спину шофера. – Неужто так трудно найти это чертово масло? А если бы это был фронт?»

Чтобы как-то утихомирить нарастающее раздражение, Сидорчук решил проверить оружие, сложенное в машине. Три австрийских карабина и цинковый ящик с патронами, завернутые в мешковину, были в порядке, но Сидорчук, нарочно делая строго лицо, ощупал все и поправил.

Он вспомнил вдруг, как уезжал шесть лет назад из Веснянска и оставлял Постнову на черный день пять гранат-лимонок и коробку с патронами. Егор Тимофеевич беды не

ждал, но черный день все-таки наступил. О том, виноват ли Николай Ростиславович, думать не хотелось. Постнов был его другом, боевым товарищем, преданным большевиком, не кланялся пулям и не боялся смерти.

Но Сидорчук слишком много повидал в этой жизни и знал, что с людьми случается всякое. Особенно если в этом замешаны баба и бриллианты. Могло случиться самое худшее. Егор Тимофеевич знал, что выполнит свой долг, но радости это ему не доставляло.

– Егоров! – крикнул он сердито. – Ты еще долго будешь возиться? Или хочешь, чтобы мы тут ночевали?

– Маслопровод, – отозвался Егоров, выглядывая из-под капота. – Еще малость подождать придется.

Нос и щеки у него был вымазаны чем-то черным. Кажется, командирский тон Сидорчука произвел на него благоприятное впечатление. Он, можно сказать, разговорился, даже в голосе появились бодрые нотки.

Сидорчук стал обдумывать, не стоит ли ему применять в деле командирскую хватку почаще, чтобы поддерживать в подчиненных примерную бодрость и хорошее настроение, но тут его внимание привлек экипаж, появившийся на мосту.

Хотя именно экипажем это сооружение назвать было чересчур смело. Пегая лошаденка понуро тащила за собой простую телегу с четырьмя пассажирами самого невзрачного вида. Один, ссутулившись, сидел впереди, придерживая вожжи, а трое полулежали на клочьях прелой соломы и с лени-

вым недоверием рассматривали окружающий мир.

Автомобиль, замерший возле дороги, привлек их внимание. С некоторым оживлением все четверо повернули головы, поглазели на чудо техники, а потом уставились на Сидорчука, может быть, интуитивно угадав в нем главного.

Эти мужики были одеты в поношенное барахло, нечесанные, плохо выбритые, с темными неприветливыми лицами. Только у возницы рубаха почище, картуз с лакированным козырьком, куртка поновее. Курчавая черная борода по-разбойничьи окаймляла его круглую розовую физиономию.

Телега миновала мост и запрыгала по грунтовой дороге. Она все ближе и ближе подбиралась к Сидорчуку и его отряду. Мирно постукивали копыта, поскрипывали тележные оси.

Мир по-прежнему казался безмятежным, но Егор Тимофеевич почему-то насторожился. Ему не понравились глаза мужиков, трясущихся в телеге. Подозрительность уже въелась в его кровь и плоть, распространялась на всех без исключения незнакомцев. Или же просто в очередной раз сработало предчувствие беды, неоднократно спасавшее ему жизнь. Он передвинул на плече ремень, удерживающий кобуру с верным маузером, и впился взглядом в приближающуюся телегу.

Его товарищи повели себя по-разному. Егоров даже не поднял головы. Чуднов смотрел на подъезжающих мужиков с прежней мечтательностью в глазах, сжимая в зубах травин-

ку, и мысли его витали где-то далеко-далеко. Господин Ганичкин, напротив, присматривался к новым людям со вниманием, словно стараясь запомнить черты лица каждого.

Тут телега вдруг остановилась. Прервался скрип плохо смазанных осей, перестали стучать копыта. Наступила воздушная тишина, пронизанная теплым ветерком.

В ней-то и прозвучал голос одного из мужиков, лежащих на соломе:

– Это кто ж вы такие будете, господа-товарищи? Вроде не местные, а? Из каких краев прибыли, странники?

В его тоне, в словах, произносимых с протяжной ленцой, проступала издевка. Чувствовалось, что этот человек презирал каждого, кто ему непонятен, кого он не знал по имени-отчеству, с кем не сидел за одним столом и не распивал чарку. Сидорчуку до этого не было дела, но ему не понравился вопрос. Неприятный он был, с подковыркой, да и задан не к месту. Совсем ни к чему было знать первому встречному, что за люди катят по проселочным дорогам на автомобиле. Не их ума это было дело.

– Проезжай, не задерживайся! – резко сказал Сидорчук. – А наши личности вас не касаются. Двигай дальше, пока я у тебя чего-нибудь не спросил.

– Ну-у, это серьезно! – Мужичок покрутил головой, с неожиданной легкостью поднялся с соломы, сел и ухватился за край телеги. – А я ведь это вот к чему. Ежели вы не местные, то положено дань платить, ну, вроде сказать, откупные,

чтобы путь легкий был, без препятствий.

Такой поворот разговора совсем не устраивал Егора Тимофеевича. Очень уж это все было похоже на ту наглость, которую он частенько наблюдал в бунтующих селах, у кулацких выкормышей, охочих до безобразий и смуты. Слишком часто подобная наглость перерастала в кулачный бой или даже во что-то похуже.

– А вот я тебе сейчас заплачу! – грозно произнес Сидорчук, выразительно похлопывая по кобуре маузера. – Отсыплю полной мерой! Ты у меня отучишься шутки шутить!

– Да уж какие шутки, господин-товарищ! – как-то даже печально проговорил мужик и вдруг хищно сузил глаза.

Рука наглеца воровато скользнула за спину. Между тем сосед по телеге уже выхватил из вороха соломы обрез и вскинул его, намереваясь палить напрямую в массивную фигуру Сидорчука.

Тот точно во сне услышал, как о капсюль патрона стукнул боек. Может быть, ему это показалось от напряжения. Только вот дальше ничего не последовало. Выстрела не было – случилась осечка. Сидорчук рванул рукоятку маузера, глядя, как первый мужик, пытаясь исправить оплошность товарища, тянул из-под соломы вороненый ствол карабина.

Егор Тимофеевич пальнуть не успел. Кто-то опередил его. Револьверный выстрел грохнул за спиной. Мужик с карабином точно ужаленный дернул рукой и ухватился за простреленное плечо.

Бледнея, он повернулся к вознице и завопил:

– Гони, твою мать!

Бородатый взлетел на телеге в полный рост, хлестнул лошаденку вожжами и заорал точно соловей-разбойник:

– А-а-а-а! Н-но! Пошла, мертвая! Пошла!

Пегая лошадь рванула с места с прытью, которой от нее никак нельзя было ожидать, и понесла повозку по направлению к лесу. С телеги дважды выстрелили, но из-за тряски оба раза впустую.

Сидорчук, стоя на одном колене, выпустил пулю вслед убегающему древнему экипажу, промахнулся и прошептал злое ругательство. Целиться было сложно из-за столба пыли, поднявшегося за телегой.

По беглецам стали стрелять и остальные. Ганичкин, старательно целясь, посылал одну пулю за другой из никелированного револьвера. Егоров ожесточенно палил из карабина, который достал из автомобиля. Чуднов, отвлекшись от мечтаний, вскочил, выхватил из-за пояса наган, метнулся к дороге, вдруг споткнулся и упал. Он поспешно вскочил, так же быстро выстрелил, но тут же плюнул в сердцах и опустил оружие.

– Хорош лупить! – крикнул Сидорчук. – Нечего зря патроны переводить. Ушли они.

Телега и вправду уже скрывалась за деревьями. Ганичкин снял с головы фуражку и чистым белым платком утер вспотевший лоб.

– Ушли, – констатировал он, обернулся к Сидорчуку и спросил: – Как вы, Егор Тимофеевич? За малым этот ушкуйник вас не приложил. Кабы не осечка!..

Сидорчуку было неприятно слышать такое от бывшего. Тот, небось, сам свечку поставил бы, если бы на свете одним чекистом стало меньше. Сидорчук знал эту породу. Белая кость, голубая кровь – с народом им не по пути. Как волка ни корми!.. Сидорчук демонстративно отвернулся и с досадой посмотрел туда, где оседал столб дорожной пыли, поднятый телегой.

Вдруг он заволновался, приложил ко лбу козырьком ладонь, взгляделся и хрипло сказал:

– Ах, дьявол! Сняли кого-то! Гляди – лежит! Ей-богу!.. Ну-ка, Василий, шагай за мной! Да под ноги смотри, а то опять в нужный момент землю носом клевать будешь!

– Да я это самое... Я, Егор Тимофеевич, ногой в кротовую нору попал! – сконфуженно объяснил Чуднов. – Честное слово, этого со мной больше не повторится.

– Да уж постарайся! – буркнул Сидорчук, обернулся к Егорову и сердито сказал: – А ты мотор налаживай! А то, чую я, никуда мы отсюда не уедем! Поспешай, я говорю!

Ганичкину он вообще ничего не сказал, даже не посмотрел в его сторону, как будто того здесь и не было. Егор Тимофеевич широким шагом двинулся к телу, лежащему на дороге, сопровождаемый быстроногим Василием. Егоров же закинул на плечо карабин и вернулся к автомобилю. Оружие

он однако же теперь ставил под рукой, чтобы не оказаться снова застигнутым врасплох. Ганичкин, ничуть не расстроенный, достал из коробки еще одну папиросу и стал ждать возвращения командира.

Сидорчук и Чуднов вернулись довольно скоро.

– Наповал! – авторитетно объявил Василий. – Это Степан его... Под левую лопатку. Слышь, Степан? Твоя пуля его нашла!

Егоров только пожал плечами. Он как раз отходил от автомобиля, вытирая руки ветошью.

– Можно ехать, – сказал водитель. – В городе механика найти надо бы, по крайности лудильщика. А то далеко не уедем.

– Будет тебе лудильщик, – пообещал Сидорчук. – Все равно в милицию надо. Хочу в этом безобразии разобраться. Как это они себе тут позволяют в уполномоченных среди бела дня шмалять?! Только мертвяка придется с собой захватить. Личность чтоб опознали.

Путешественники расселись по местам, выехали на дорогу. Оружие все держали наготове. Возле тела притормозили, кое-как приткнули труп на сиденье. Это был тот самый наглый мужичонка, каких-то пятнадцать минут назад ведший разговоры. Теперь он оказался бок о бок с Ганичкиным, но тот даже бровью не повел, словно и не заметил неприятного соседства. Такая твердость духа даже в Сидорчуке вызвала что-то похожее на уважение.

Путники не без опаски углубились в лесную чащу. Но под сенью дубравы было тихо. Никаких звуков, кроме пения птиц и жужжания мотора, слышно не было. Дорога петляла между деревьев, а где-то на середине леса перекрещивалась еще с одной. Сидорчук приказал остановиться и внимательно осмотрелся по сторонам.

– Вот так, значит, – сказал он. – Хочешь направо, хочешь налево. Ищи ветра в поле. Ну да сейчас это не наша забота. Пусть местные власти разбираются.

Они поехали дальше и через полчаса оказались на центральной площади города Белогорска, прямо у дверей отдела милиции. Это учреждение располагалось в добротном одноэтажном доме с вывеской, написанной от руки. Пока приездие сгружали на землю бездыханное тело, к автомобилю набежала целая толпа босоногой ребятни, а на крыльцо отдела вышел высокий скуластый милиционер с наганом на поясе. Сидорчук представился ему и объяснил суть дела.

Павел Шеболданов – так звали милиционера – суть дела ухватил быстро и посетовал:

– Правда ваша, у нас сейчас беспокойно. Завелся тут один такой – атаманом себя кличет. Атаман Пахом! Народу у него не сказать чтобы много, но все отпетые, не дай бог! Леса у нас густые, так они там сидят и, главное, ничего не боятся. Хотя, если подумать, чего им тут бояться? Я вот начальник милиции, так это ж одно название! Помощник мой всегда хворый. Чахотка у него, что ли. Поэтому все одному прихо-

дится. И с населением работать, и бандитов ловить. Я, если честно признаться, не столько на них охочусь, сколько сам уворачиваюсь. Они уж раз пять мне смертный приговор объявляли. Дважды ночью в меня стреляли, но повезло, не попали.

– Подмоги не просил, что ли? – недовольно поинтересовался Сидорчук. – Запрос по команде делал?

– Сколько раз! А чего? Говорят – терпи. На других местах, мол, обстановка еще сложнее. А я чего? Вот я и терплю. Мне можно. Один я. Ни жены, ни отца с матерью. Подстрелят – никто плакать не станет. Обидно только, что торжества коммунизма не увижу из-за этих тварей.

– А вообще они что тут творят? Не только же на представителя власти покушаются, да?

– Да все, что им угодно! Агитацию срывают, речи всякие ведут. Школу в прошлом году подожгли. Насилу мы ее потушили. Бывает, грабят. Убийства тоже случаются. И главное, никто ничего не видит. Свидетелей ни одного. Это оттого, что запуган народ, еще не до конца верит в Советскую власть. Еще я думаю, что есть у бандитов тут, в городе, родственники.

– Ну а этот, которого мы привезли, – он тебе знаком? – поинтересовался Сидорчук.

– Трудно сказать, – почесал в затылке Шеболданов. – Вроде видел где-то, но не поручусь. Рожи у них больно одинаковые, дикие. А вы, товарищи, к нам в Белогорск надолго? – с

надеждой спросил он.

– Переночуем и поедем, – сказал Сидорчук, отворачиваясь. – У нас свои дела. А ты с председателем Совета решай этот вопрос – доколе у вас тут кулацкие выродки хозяйничать будут? Отряд вызывай, своих комсомольцев поднимай. Отпор давайте. Они тоже, как видишь, не бессмертные.

– Да какие тут комсомольцы! – махнул рукой милиционер. – В городе старичье одно. Все царский режим забыть никак не могут. А которые были хорошие ребята, так те давно в Красную армию ушли. Один я тут, – с тоской закончил он.

Сидорчук мрачно посмотрел на него, но ничего больше не сказал. Он не любил, когда люди подчеркивали свою обособленность, хотя бы даже и вынужденную. Что значит один? Люди кругом – убеди, заставь! Уж он-то управился бы, не слез бы с этого Пахома, пока не задавил бы гадину. Но сейчас Егор Тимофеевич не мог помочь этому недотепе-милиционеру. Дело государственной важности, не терпящее ни малейших отлагательств, звало его дальше.

Егорову нашли механика, с которым он сумел столковаться насчет починки маслопровода. Почувствовав, с кем имеет дело, жестянщик даже согласился сделать все на чистом энтузиазме, бесплатно.

Переночевать договорились в милиции. Сидорчук распределил дежурства на ночь.

– Автомобиль караулить придется, – объяснил он. – Да и

вообще поостеречься нужно. Кто знает, что у этого отребья на уме? Может, на месть решатся?

Глава 3

Пахом мстить не стал. Может быть, смерть одного из бандитов послужила ему уроком, или же у него просто были другие планы. Сидорчук, который обстоятельно побеседовал накануне с некоторыми горожанами, в том числе и с самим председателем здешнего Совета, пришел к выводу, что не так страшен черт, как его малюют. Самозванный атаман Пахом и в самом деле наводил страх на городок и окрестные деревни, но в последние месяцы активность его банды шла на спад. Судя по всему, батька испытывал трудности с кадрами. Часть его соратников погибла, другие благоразумно отсеялись, вернулись к мирному труду. В лесу остались самые забубенные, самые отчаянные, которым нечего было терять. Председатель полагал, что бандитов осталось не более десятка. Сидорчук поинтересовался, какова обстановка в соседних уездах.

– По-разному, – пожал плечами председатель. – Где совсем тихо, а где еще хуже, чем у нас. Народ просвещать необходимо, горизонты открывать людям. А то некоторые все надеются, что вот-вот вернутся господа. Есть такая мыслишка в народе, чего греха таить.

– А что дальше творится? – закинул удочку Сидорчук. – Вот в Веснянске, к примеру. Не бывал там?

– Не приходилось, – мотнул головой председатель. – Но

думаю, что сложностей и там хватает. Городок вроде нашего, маленький, значит, гарнизона своего нету. Леса вокруг, стало быть, элемент всякий возможен. Ну и вообще, если так посмотреть, оттуда до Польши рукой подать, выходит, вдвойне сложнее. А вы туда следуете?

– И туда тоже, – уклончиво ответил Сидорчук.

Они выехали ранним утром. Дорога на юго-запад шла среди заливных лугов, зеленеющих полей, вилась вдоль прихотливых речных русел. Таинственная громада леса темнела далеко в стороне, и это обстоятельство невольно облегчало всем настроение. Никому не хотелось еще раз ввязаться в неожиданную перестрелку на дороге.

– Что думаете о деле, Егор Тимофеевич? – первым прервал молчание Ганичкин. – С чего предполагаете начать поиски? Мое мнение, что прежде всего нам с вами надо бы...

– А меня ваше мнение не интересует, – прервал его Сидорчук, даже не повернувшись в сторону Ганичкина. – Я согласен терпеть, раз уж товарищи из коллегии решили вас за чем-то привлечь к этому делу, но вашим мнением интересоваться не собираюсь. И вообще ведите себя потише, чтобы меньше вас замечал. Сказать по правде, не верю я вам, думаю, при первой же возможности побежите вы к своим.

Василий Чуднов при этих словах командира хохотнул и с большим любопытством уставился на своего соседа, ожидая, как тот будет выкручиваться из затруднительного положения. Уж больно точным залпом накрыл его Сидорчук. Вот

уж мужик так мужик! Ни бога, ни черта не боится и правду-матку режет безо всяких. А что – имеет право. Теперь пришло время рабочих и крестьян. Бывшим только и остается забиться подальше в щель и слушать голос трудового народа. Вот только непонятно, а какого все-таки рожна товарищи из ГПУ остановили выбор на бывшем жандарме или полицейском. Ладно, не важно, кто он там на самом деле.

– Напрасно вы так, Егор Тимофеевич! – нисколько не смутившись, мягко сказал Ганичкин. – В сыскном деле одного мнения никак быть не может-с. Необходимо рассматривать все версии, иначе велика вероятность допустить ошибку. Был в тысяча девятьсот девятом году такой случай. Вели мы слежку за одним мутным человечком. Подозрения были, что работает он на германскую разведку. При этом нечист на руку был, шулер высшей марки, вдобавок связи имел с социал-революционерами, ну и прочее все в таком же роде. И вот в одно прекрасное утро находят его в номере с револьверной пулей во лбу. Первая мысль – расправились с ним его сообщники по грязным делам. Пошли по этому следу – тупик. Долго бились, все перешерстили, в какие только материи не забирались, и ничего! А потом одному подпоручику, новичку, мысль в голову пришла – женщина. Представьте себе, так оно и оказалось! Оказывается, закрутил этот негодяй романчик с одной весьма экзальтированной особой. Для него это было мимолетное приключение, водевиль в одном действии. Он эту дамочку на другой день из головы выбросил, а она,

изволите ли видеть, не стерпела – взяла у мужа револьвер, приехала в номера и хладнокровно застрелила изменника! Дамы, знаете ли, иногда проявляют такую выдержку, что не всякой особе сильного пола доступно. А мораль сей басни такова: рассматривай все версии, прислушивайся к каждому мнению. Жизнь иной раз такие фортели выкидывает, странные, знаете ли, коленца...

– И чего с ней потом сделали? – с любопытством спросил Василий Чуднов. – С бабой этой?

– Каторга ей грозила, – сказал Ганичкин. – Убийство есть убийство. Одно ее спасло. Супруг этой женщины большой пост занимал в империи, да и любил ее безумно. Ну, шепнули ему вовремя, так он свою мадам за границу сразу и вывез. Конечно, сам претерпел по службе, в опалу попал, по тем временам скандал очень большой получился. Что там дальше случилось – это мне неизвестно. Потом уже совсем другие дела начались. Подпольщики, прокламации, революции, трон шататься начал. Кстати, ваш покорный слуга, Егор Тимофеевич, к расправам над вашим братом-большевиком ни с какого боку не причастен. Оттого ваша партия мне и доверилась, я полагаю. Да и опыт, конечно, востребован оказался. Я в своей профессии не последним был.

– Начхать мне на ваш опыт! – грубо сказал Сидорчук. – Будете делать, что я скажу, понятно? Нету больше вашей империи, вся вышла. И лучше бы, если бы вы тоже, вслед за этой бабой!.. Антанта и вас приютила бы. А коли остались

тут, то и не лезьте в глаза со своим опытом. Мы здесь хозяева – сами и разберемся во всем. Прекратите эти свои разговоры, пока до греха не довели. Это мой вам приказ.

Они замолчали и весь оставшийся путь проделали, не проронив ни слова. Для самого Сидорчука, а также для Егорова молчание никогда не было в тягость. Ганичкин, конечно, был несколько озадачен, но держал паузу так же уверенно, как вообще делал все на свете. С его умением приспособливаться к обстоятельствам это не составляло никакого труда.

Один Василий мучился необычайно. Он любил побалагурить, потравить истории, послушать хорошую выдумку или анекдот, и ехать в одной машине с тремя молчунами ему было тяжело. К тому же его страшно интриговала история решительной бабы, которая вот так запросто застрелила любовника, а потом и наказания сумела избежать. Он надеялся, что Ганичкин все-таки знает, чем все кончилось, и просто скрывает это, чтобы подогреть интерес к рассказу. Но при Сидорчуке возобновлять расспросы по этому поводу Василий никогда бы не решился. Новый командир не был похож на человека, любящего хорошую шутку, а кулак у него даже навскидку весил не менее полупуда.

К вечеру чекисты и господин из бывших наконец-то достигли цели своего путешествия. К счастью, больше никаких происшествий с ними за целый день не случилось. Автомобиль бежал легко, бодро вертел колесами, окрестные леса

встречали их только шелестом листвы и пением птиц.

Сидорчук долго ожидал нового предательского выстрела из-за кустов, но к вечеру все-таки отошел, успокоился. После заката в долине нарисовались аккуратные домики и сады Веснянска, и душа его вдруг наполнилась странным щемящим чувством, которое не было знакомо ему прежде, каким-то необычным теплом и ожиданием, будто подъезжал он к родному дому. На мгновение Сидорчуку даже показалось, что ничего плохого со старым товарищем не случилось. Постнов ждет его здесь, живет себе спокойно, как в ни в чем не бывало.

Но эту непрошеную мысль Сидорчук сразу отогнал куда подальше. Тешить себя побасенками не имело смысла. Слишком серьезные люди послали его сюда, и чересчур значительные ценности были на хранении у Постнова, чтобы ожидать, что все легко разрешится.

Сидорчук снял с головы фуражку, тщательно вытер изрядно вспотевший лоб и приказал Егорову:

– Дуй теперь под горку, вон туда, правее, где березки. Въедешь на улицу, я скажу, у какого дома остановиться.

Егоров кивнул и молча направил автомобиль к городским окраинам. Пассажиры с любопытством рассматривали незнакомое местечко сквозь запыленные стекла. Кривые улочки разбегались во все стороны. Сады буйно цвели и уже начинали осыпаться. Пожарная каланча выглядывала из-за крыш. Тихие стены полуразрушенного монастыря, церков-

ные купола без крестов, пышные кроны берез и рябин, растущих возле каждого домика. Воздух над городом в лучах заходящего солнца пылал червонным золотом.

Картина представлялась совершенно мирной, даже благодатной. Поверить, что каких-то два-три года назад по этим местам прокатилась война и что кипели здесь тогда нешуточные страсти, было сложно. Но ничего другого не оставалось. Ведь московский курьер не обнаружил в городке даже следов Постонова.

Автомобиль медленно катился по смутно знакомой улице. Сидорчук вспоминал, какая была скверная погода, когда он появился здесь в первый раз. Он не забыл грязь и сырость, печальные облетевшие березы, небо, затянутое мрачными тучами. На этот раз все выглядело куда веселее, вот только радости на душе Сидорчука не было и в помине.

– Вот здесь, – сказал он шоферу, всматриваясь в тускло отсвечивающие окна дома. – Да, тут он и жил. Снимал квартиру.

Егоров затормозил. Все повернули головы и стали рассматривать дом. Без команды старшего никто не осмеливался выходить из машины.

– Однако не сказал бы, что здесь слишком оживленно! – хмыкнул Ганичкин, переводя взгляд на другие дома и рассматривая перспективу улочки. – Такое впечатление, что все добропорядочные обыватели уже отправились в объятья Морфея.

– Взяли мы как-то раз в Туле связного, – сухо поведал Сидорчук. – На белогвардейское подполье работал. Так у него кроме оружия кокаин нашли и морфий. Без дряни этой он и дышать уже не мог.

– Прошу прощения, – деликатно сказал Ганичкин. – Ничего плохого в данном случае я не имел в виду. Морфей – это такой древний бог сна и сновидений, с вашего позволения. В объятия Морфея означает отправиться спать. Так я в том смысле, что все уже легли...

Сидорчук испытывал досаду от собственной неловкости, но не пожелал молча выслушивать объяснения этого господина.

– А с религией мы тоже боремся, – немного невпопад, но грозно сказал он. – Уничтожим всех ваших богов, будьте уверены! И будет у нас на первом месте трудящийся человек, понятно?

– Совершенно с вами согласен, – покорно ответил Ганичкин.

Довольный тем, как он утер нос этому недобитку-жандарму, Сидорчук повеселел и приказал сгружаться.

– Первым делом поинтересуемся, кто тут теперь обитает, – сказал он. – И куда, значит, делся прежний жилец. Хозяйка здесь – дамочка с прошлым. Дворянских кровей. Может, и она на юг подалась. Как волка ни корми, а он все в лес смотрит.

– Выходит, Постнов этот вот так у дворянки и жил? – ожи-

вился Чуднов. – Со всеми драгоценностями? Дворянки, я слышал, до камешков дорогущих падки. Неосторожно это! – Он осуждающе покачал головой.

Сидорчук покосился на Ганичкина. При нем он старательно избегал заводить речь о драгоценностях, будучи убежден, что суть дела жандарма не касается.

– А ты, что слышал, про себя держи! – строго сказал командир Чуднову. – Язык не помело, чтобы им по каждому случаю махать! Помалкивай, пока старшие не велят разговаривать.

– Слушаюсь, товарищ Сидорчук! – со вздохом ответил Чуднов.

Молчание было для него несусветной мукой, а нынешнее положение не оставляло ему вообще никаких шансов. Сидорчук как собеседник отпадал, Егоров по характеру был злостным молчуном. Выходило, что поддержать беседу в этой компании мог только Ганичкин. Но тот числился «бывшим» и, возможно, являлся скрытым врагом Советской власти, на что, кстати, то и дело намекал Сидорчук. Поэтому водить с ним дружбу Василию было совсем не с руки. Оставалось стиснуть зубы и терпеть.

Как настоящий революционер и партиец, Чуднов мог заставить себя вынести любую муку, но не на шутку опасался, что долгое молчание может запросто вызвать у него какую-нибудь тяжелую болезнь. Обидно было вдвойне, потому что болтать Василий любил на посторонние темы, не каса-

ющиеся служебной тайны и прочего. Про драгоценности он упомянул только лишь потому, что совершенно точно знал – все в группе посвящены в эту тайну, и опасаться нечего. Сидорчук, выходит, думал по-другому, скорее даже показывал свой вредный характер.

Егор Тимофеевич и не подозревал о страданиях Василия. Он медленно входил в калитку, отмечая про себя изменения, которые произошли здесь за прошедшие годы.

Перемены были не к лучшему. Покосился забор, болталась на петлях калитка, некоторые окна в доме были выбиты и заделаны фанерой, во дворе повсюду валялся какой-то мусор. Даже сам дом как будто стал меньше, врос в землю, потемнел и облез.

Сидорчук попытался вспомнить, как выглядела хозяйка этого дома в момент их первой встречи, но не смог. В памяти всплывало только какое-то нежное, пушистое облако с ароматом цветов, и все. Слишком много крови видел он за эти годы.

Командир оглянулся. Его спутники стояли в ряд возле машины, готовые в любую минуту прийти на помощь. Егор Тимофеевич взошел на крыльцо и сильно постучал кулаком в дверь. Он по-прежнему невольно ожидал появления того воздушного, нежного существа в сером платьице, подчеркивающем хрупкую точеную талию. Его грубая душа странно волновалась даже теперь, после стольких лет и невзгод.

Сидорчук злился на себя за эту слабость, но ничего не мог

поделать. Ему до зуда хотелось снова увидеть ту женщину. Этому не было никаких оправданий, конечно. Он и тогда подозревал, что она враг. Жизнь это подтверждала почти наверняка. В бедах, случившихся здесь, эта дамочка непременно должна была поучаствовать. Как ее звали-то? Дай бог памяти!.. Кажется, Анастасия Сергеевна.

Кого бы ни ждал Сидорчук, но на его стук явился совсем иной персонаж.

После долгого кряхтения, громохания, звяканья цепей за дверью послышался испуганный срывающийся тенорок:

– Кто там?

– Открывайте, ЧК! – рывкнул Сидорчук, вспоминая магическое слово недавних времен, перед которым отворялись все запоры. – Поживее!

– Господи, что же это за напасть такая! – плачущим тоном запричитал тенорок. – Ночь на дворе! Что опять? Мы мирные обыватели, ни в чем таком...

Человек возился с засовами гораздо дольше, чем это было на самом деле необходимо, но открывать все-таки пришлось. Наконец дверь подалась, слегка ушла внутрь, и в образовавшейся щели возникло бледное напряженное лицо тщедушного гражданина лет сорока. Он был одет в подштанники и выцветший китель, наброшенный на узкие плечи. Жидкие волосы на голове встрепаны так, точно мужчина только что выбрался из-под перин. Он смотрел на громадную фигуру Сидорчука снизу вверх, и в глазах его плескался неприкры-

тый ужас. К чести гражданина надо сказать, что он изо всех сил старался держаться.

– Ну, в самом деле, товарищ! – воззвал он к Сидорчуку. – Поимейте совесть! Жена нездорова, дети... Час поздний, не знаешь, что и думать. Бумаги у нас в порядке, я служу, никаких посторонних элементов в доме не имеется...

– Не части! – оборвал его Сидорчук. – Доложи по порядку. Кто такой? Давно здесь обитаешь?

– Бухгалтер я, фамилия – Баранов, – сказал мужчина. – В потребкооперации служу. Бумаги в порядке. В дом заселен как обремененный наследниками. Семеро их у меня. Сыновья и три девочки. Одеть, обусть надо. Жена хворает. По ордеру губисполкома, все как полагается. Можете проверить...

– Я тебя не про то спросил, – опять перебил его Сидорчук. – Давно здесь?

– А год уже, – пояснил Баранов. – До этого, говорят, старушка тут жила с сыном. Но я их уже не застал. Пустовала квартира. Между прочим... – Он вдруг понизил голос до шепота, вытянул, как черепаха, шею и сообщил: – Говорят, это вроде и не сынок был, а офицер! Золотопогонник!

– Старушка? Офицер? – переспросил Сидорчук. – Ты ничего не перепутал?

– Не поклянусь, конечно, – ответил Баранов. – Я сам не местный, с Поволжья, а люди говорят...

– Ясно. Тут к тебе уже приезжали раньше. Что спрашивали?

– А, точно, было дело. Был серьезный такой мужчина. Тоже из ваших. Интересовался, знаю ли я какого-то Постнова. А я ни сном ни духом. Все рассказал ему, он и отстал. Выходит, этот Постнов и есть тот офицер? Только я, честное благородное...

Сидорчук хмуро посмотрел на него, повелительно мотнул головой и заявил:

– Ты дай-ка пройти! Мне дом осмотреть нужно!

– Вот! – с горечью сказал бухгалтер Баранов. – Тот серьезный мужчина тоже дом осматривал. Что искал – не знаю. Все перевернул. Вы тоже обыск делать будете?

Сидорчук не ответил, просто отодвинул в сторону нового хозяина дома и прошел в комнаты. Нельзя сказать, что увиденное сильно поразило его, но неприятный осадок на душе остался. Он еще помнил уют и порядок того гнездышка, которое соорудила здесь красавица Анастасия. Ничего похожего сейчас тут не наблюдалось. Разномастная покаленная мебель, грязное белье, тараканы, неубранная посуда. Пахло застарелой пылью и испарениями человеческого тела. Отовсюду из-за шкафов и дверей на Сидорчука таращились встревоженные глаза детей Баранова. В дальней комнате на продавленной кушетке лежала бледная худая женщина с повязкой на голове. Она с ненавистью посмотрела на незваного гостя. Уксусный запах резал глаза.

Гремя сапогами, Сидорчук вышел из дома.

Баранов, придерживая кальсоны, семенил за ним, вопро-

сительно заглядывал в лицо и спросил:

– Так как, товарищ, мы можем больше не беспокоиться? Вам показать ордер?

– Значит, ты ничего о прошлых жильцах не ведаешь? – спросил Сидорчук. – А кто может знать?

Баранов сложил руки, словно собирался помолиться, и ответил:

– Честное слово, не знаю! Я весь день на службе. Родни у меня тут нет. Домашние дела донимают. С соседями стараюсь общаться как можно меньше. Сами понимаете, неизвестно, что за люди. В Гражданскую здесь такое, говорят, творилось!.. Вам лучше в исполкоме навести справки.

– Ладно, наведем, – буркнул Сидорчук и вдруг спохватился: – Где бы нам тут переночевать, а? Четверо нас.

– Совершенно ничем не могу помочь, – поспешно сказал Баранов. – Семь детей, извиняюсь. Жена нездорова. В городе в центре гостиница имеется. Номера Кормилицына. Сдаст он их, значит, в соответствии с новой экономической политикой. Там и ресторан с музыкой. Цены немалые, конечно, а что делать?

Сидорчук махнул рукой и пошел к своим.

Глава 4

Все в этот день складывалось из рук вон. Сидорчук из последних сил сдерживался, чтобы не выйти из себя. Он уже давно замечал, что с нервами у него форменный беспорядок, из кожи лез, чтобы держать себя в руках, но подобные упражнения давались ему все труднее и труднее. Порой Егору хотелось наорать от души, обложить кого-нибудь по матушке, разбить морду, порвать в клочья. Наверное, тогда ему полегало бы, отпустила бы тяжесть, гнездившаяся в груди, прошла бы пульсирующая головная боль, которая донимала его последнее время даже во сне, пришли бы успокоение, уверенность и рассудительность.

Но психовать должность не позволяла. Командир и большевик не имеет права на истерики. Люди должны видеть, что за ним правота и сила. Потому Сидорчук мог всего лишь холодно отчитать провинившегося, буркнуть сердитое замечание, пригрозить взысканием. Иногда он не имел формального повода даже для этого. Сегодня был как раз такой случай. Все шло не так, и никто ни в чем не был виноват.

Сначала этот бестолковый бухгалтер с многочисленным потомством и без царя в голове, потом дом, в котором он шесть лет назад оставил немалые ценности, принадлежащие республике. Именно Егор Тимофеевич отвечал за них головой. Собственно, кому еще? Никого из тех людей, кажет-

ся, не осталось. Постнов пропал, Яков, который, собственно, принимал и сдавал ценный груз, погиб во время кронштадтского мятежа, остальные тоже рассыпались кто куда. Сидорчук даже не знал, как звали тех ребят из отряда. Так что спрос будет с него, и нечего себя обманывать. Просто нужно сделать все, чтобы вернуть ценности. А как?.. На этот вопрос никакой мудрец не даст ответа. А тут еще команда подобралась такая, что без слез не взглянешь.

Егоров все время молчит, и что у него там с мотором, сам черт не разберет. Чуднов стрелок первоклассный, а как понадобилось пальнуть, так он носом в землю. Ну а Ганичкин – это уже отдельная песня. Мало того что затесался, куда ему не следует, так он еще и самостоятельность развил такую, что руки ему обрубить хочется.

Сидорчук злился еще больше оттого, что понимал – не прояви Ганичкин инициативы, ночевать им пришлось бы в автомобиле или на свежем воздухе. Не платить же в самом деле господину Кормилицыну за номера с рестораном. Если бы Егор Тимофеевич имел всю полноту революционной власти, он бы навел укорот всем этим нэпманам, вылезшим из щелей, кровососам, которые с воодушевлением бросились выжимать соки из трудящихся людей, как они привыкли делать это сотни лет.

Пока Сидорчук беседовал с Барановым, Ганичкин умудрился разговориться с соседом, пожилым учителем географии, который жил вместе с престарелой мамашей в особняч-

ке на три комнаты через два дома от Баранова.

Он с большой охотой согласился приютить у себя путешественников, но сразу извинился:

– Удобств вам не предложу. Живем мы, простите, скудно. Спать придется на полу, прямо скажу. И из разносолов – только картошка. Что же, времена такие. В бакалее продукты любые, аж глаза разбегаются, окорока, вино. А у меня порой и хлеба нет. В школе жалованье задерживают, да и смешное оно! Вы не подумайте, я не жалуясь, неудобно просто.

– Удобно – неудобно! – буркнул Сидорчук. – Мы не дворяне, чтобы на это смотреть. Было дело, жмыхом питались и на голой земле спали. Так что под крышей – это уже хорошо. Вы лучше скажите, не шалят здесь у вас? Ну, по ночам? Вас, кстати, как звать-величать?

– Талалаев Иван Петрович, – представился учитель. – А по ночам у нас спокойно. Вот разве что соловьи... – улыбнулся он. – Но от них на душе даже хорошо становится. Всплывают, знаете ли, такие моменты из жизни, каких уже и вспомнить не чаял. А если вы интересуетесь насчет бандитизма, то этого пока не замечалось. В году восемнадцатом-девятнадцатом тут и правда такое творилось!.. Видно, тогда всех лихих людей и выбили. Сейчас-то у нас тихо.

– И что ж тут в девятнадцатом творилось, Иван Петрович? – спросил Сидорчук. – Рассказать можете? Вот, например, что вы знаете про соседей ваших? Через два дома женщина одна жила. Дворянских кровей...

Иван Петрович замялся, отвел глаза.

– Творилось, да, – сказал он, неловко потирая ладони, точно на морозе. – Красные, белые, бандиты... И соседка проживала, такая высокая женщина. Я, впрочем, плохо ее помню. В конце восемнадцатого я с матушкой уехал в деревню. У меня там брат учительствовал. Я попробовал обосноваться там, хозяйство завел. Здесь, простите, голодно было очень. Да и опасно. Вот мы с матушкой и уехали на время.

– А чего же вернулись?

– Так тут целая цепь причин, Егор Тимофеевич, – вздохнул Талалаев. – Брат помер, царствие ему небесное. Мы в деревне люди чужие, к хозяйству не приучены, да и не приняли нас местные, косились все время. Неуютно там было матушке. Вот и вернулись. Теперь-то жизнь налаживается. Со средствами пока туго, но перебиваемся. Ничего, живем помаленьку.

– Ну а кто-нибудь здесь может что-нибудь рассказать? – уже с раздражением спросил Сидорчук. – Кто-то ведь жил тут все эти годы?

– Наверняка найдутся такие, Егор Тимофеевич, – поспешно ответил Талалаев. – Только я тут, увы, вам не советчик. Плохо, видите ли, знаю соседей. Совершенно не хватает времени на общение. Школа, за матерью ухаживать надо. Да вы поспрашивайте сами. Обязательно отыщутся, так сказать, очевидцы.

Больше из него ничего не удалось выудить. Тревожить

других соседей Сидорчук не стал, рассудив, что утро вечера мудренее. Гости отужинали вареной картошкой и морковным чаем и стали устраиваться на ночлег в большой, почти пустой комнате с выцветшими обоями. На город опустилась ночь. Из-за духоты пришлось отворить все окна, и тогда в вишневом саду принялись наяривать песни соловьи. Они заливались на все лады так, что звенело в ушах. От раздражения, жесткой постели, соловьиного ора Сидорчук так и не сумел заснуть, плюнул и в одном нижнем белье вышел на крыльцо.

Черная майская ночь накрыла спящие дома. В кромешной тьме светились только звезды в небе и кипенно-белые сады на земле. Одурачивающий запах вишневых соцветий плыл над улицей. Заливались соловьи. Сидорчук оперся на перила и стал смотреть на спящий город. Мысль о Постнове не давала ему покоя. Если тут побывали белые, то все могло обернуться хуже некуда. Николай жил тут инкогнито, никаких подтверждений его большевистского прошлого при нем не имелось, но белые тоже не дураки, могли раскусить. Да и соседство той ненадежной дамочки давало повод так думать.

Но даже смерть от руки золотопогонника – это, если подумать, только цветочки. Сидорчук отлично понимал подоплеку своей миссии. Коллегия ГПУ, Зайцев, да и люди, которых Егор получил в помощь, все были уверены в том, что Постнов попросту смылся с бриллиантами. Предал товарищей, дело революции и сбежал, прихватив народные ценно-

сти и эту дворянскую стерву. Захотел красивой жизни! Ну что ж, бывает и такое.

Сидорчук знал людей, которые ломались, забывали главную цель, меняли все на сладкий кусок, на блестящую мишуру. Особенно нелегко стало сейчас, когда выползли эти недобитки с перстнями на пальцах, с бумажниками, с ресторанами, в которых рекой льется шампанское, гремят пошлые, разухабистые песенки. У слабого человека запросто может закружиться голова.

Но Постнов не был слабым! Сидорчук точно знал, что этот человек сделан из железа и кремня. Именно на Николая Ростиславовича Егор мог положиться в первую очередь. Он считал, что знал его как облупленного. Или нет?..

Сидорчук скрипнул зубами и что есть силы сжал перила. Старое дерево жалобно скрипнуло.

«Ну что же, – подумал Егор Тимофеевич. – Если оно так, то сам первый влеплю ему пулю. Как старый товарищ».

Сидорчук понял, что главная причина его бессонницы и плохого настроения – как раз вот эта заноза, мысль о предательстве старого друга. Слишком тяжело было тащить на себе эту тяжесть – подкашивались ноги.

На какое-то мгновение смолкли в кустах соловьи, и наступила невероятная тишина. У Сидорчука даже закружилась голова от такого покоя. Но он вдруг услышал в глубине сада какой-то странный шлепок, а затем быстрый шорох потревоженных веток. Соловьи тут же снова грянули свою песню,

и все звуки потонули в переливчатом щебете.

Сидорчук поморщился. Ему не понравился странный шум в саду. Он хотел понять, что это такое, всмотрелся в сумеречную белизну цветущих вишен, но ничего не увидел и махнул рукой.

«Кошки, должно быть, – подумал Егор. – Самое время для них».

Тут метрах в пятнадцати от него из-за дерева выметнулся красный язычок огня, и громко бабахнул выстрел. Пуля врезалась в доску над головой Сидорчука и оторвала от нее щепку. Та, жужжа как пчела, полетела вниз и царапнула Сидорчука по щеке. Он невольно отшатнулся, пригнулся и с прытью, неожиданной для громоздкого тела, нырнул в открытую дверь. В сенях Егор Тимофеевич приник к стене и затаился.

Отступление оказалось весьма своевременным. Следом за первой полетела вторая пуля, чиркнула об косяк и опрокинула в сенях ведро. Оно покатилося, гроыхая и звякая.

– Подъем! – заорал Сидорчук. – Тревога!

Но все, не считая старушки Талалаевой, и без команды повскакивали со своих лежанок. Правда, повели они себя по-разному. Если хозяин спросонья сразу побежал спасаться в подпол, то маленький отряд Сидорчука начал действовать как нельзя лучше. Разобрав карабины, бойцы заняли оборону возле окон. Егоров сразу побежал во двор, где стояла машина. К счастью, на транспортное средство никто не покушался. Зато кто-то бежал по саду, осыпая цвет с вишен. Чуд-

нов выстрелил наугад в темноту, но не попал.

– Василий, маузер! – гаркнул Сидорчук.

Чуднов выбежал в сени, держа в вытянутой руке маузер командира. Сидорчук схватил его и, как был, босиком рванул в сад за беглецом.

– Егор Тимофеевич! – умоляющим голосом крикнул ему вслед Василий и тут же бросился вдогонку.

Дальше обошлось без стрельбы. Сидорчуку не удалось увидеть противника. Человек, стрелявший в него, оказался проворнее. Он добежал до забора, перемахнул на другую сторону, треща ветками, пересек соседний сад и был таков. Через минуту где-то поодаль забрехали собаки.

Сидорчук тоже попытался с разгона перескочить через забор, но обломил сгнившую доску и грянулся оземь, рыча и чертыхаясь.

Чуднов помог ему подняться и осведомился:

– Не ранен, Егор Тимофеевич?

– Нет, слава богу! – ответил Сидорчук, озираясь. – Ушел гад! Ах ты, досада-то какая! Удрал! Ты хоть его видел? Запомнил?

– Куда там! – с сожалением признался Василий. – Видел только, как тень мелькнула. Проворный, гад!

– Проворный, – согласился Сидорчук. – А где все наши?

– Егоров к машине побежал, – объяснил Чуднов. – А этот, жандарм который...

– Ты при мне этого слова не говори, – оборвал подчинен-

ного Сидорчук. – Я его на дух не переношу, понял? Фамилия у него есть – вот по ней и называй.

– Ганичкин, значит, – волнуясь, сказал Чуднов. – Он это... сначала рядом был, а потом я за вами побежал. Вот и все.

– Шкуру бережет, значит, – недобро усмехнулся Сидорчук. – Наградили помощничком...

Он не успел припечатать слово крепким ругательством. Где-то недалеко хлопнул выстрел из карабина, а потом все стихло. Сидорчук замер.

– Ну-ка, ходу! – скомандовал он тревожным шепотом, и они побежали через сад к воротам.

На пустынной улице было еще темнее, чем среди вишен. Лишь где-то вдали сквозь кроны деревьев пробивались слабые огоньки. Наверное, это горели фонари в центре города. Сжимая в руках оружие, командир и Василий принялись настороженно озираться. Сидорчуку показалось, что он слышит чьи-то шаги. Через минуту впереди и в самом деле возникла смутная фигура. Кто-то шел прямо на них.

– Стой! – сказал Сидорчук, поднимая маузер. – Кто идет? Ты у меня на мушке!

– Не стреляйте, Егор Тимофеевич! – послышался благодушный говорок Ганичева. – Это я!

В следующее мгновение из темноты действительно возник господин Ганичкин собственной персоной. Несмотря на некоторую вольность в одежде и заряженный карабин в руке, держался он с небрежным достоинством записного щеголя,

прогуливающегося по бульвару.

– Представляете, я его почти догнал, – доверительно сообщил господин из бывших. – Когда вы устремились за ним в погоню через сад, я прикинул возможные пути его отхода и выбрал тот, что показался мне самым вероятным. Я бросился наперерез, но фора была слишком велика. Злоумышленник имел преимущество и грамотно им воспользовался.

– Это вы стреляли? – спросил Сидорчук. – Промазали, что ли?

– Да, именно я, – сказал Ганичкин. – Но у меня не было намерения его убивать. Пальнул скорее для острастки. Что ж, признаюсь, номер не прошел.

– Что?! Как это? Почему не имел намерения? Ты дал ему уйти, гад?! Да ты!.. – Сидорчук вне себя от гнева двинулся на Ганичкина.

Тот не дрогнул и неодобрительно сказал:

– Эх, Егор Тимофеевич! Зря вы так! Гнев, знаете ли, плохой советчик. Сами посудите, зачем нам еще один мертвец? Не разумнее ли было поймать его и выяснить, что он задумал?

На Сидорчука произвело впечатление хладнокровие этого бывшего.

Он опомнился, отступил на шаг и саркастически заметил:

– Золотые слова. Отчего же, позвольте спросить ваше сиятельство, не поймали и не выяснили?

– Не пришлось, – кратко сказал Ганичкин. – Такое не все-

гда удается.

– Ну так по ногам стреляли бы, – уже почти добродушно сказал Сидорчук. – Надо же, гада в руках держал и упустил.

– Ну, в руках, – это явное преувеличение, Егор Тимофеевич! – возразил Ганичкин. – А по ногам стрелять, как вы изволили заметить, не представлялось возможным. В такой темнотище очень просто можно беды наделать.

– Вот и я о том же, – внушительно сказал Сидорчук. – Он-то точно за бедой приходил. Пальнул бы чуть в сторону и снес бы мне башку к чертовой матери!

– Непростительную оплошность мы допустили, Егор Тимофеевич! – озабоченно сказал Ганичкин. – Необходимо теперь часового ставить. Непокойно тут.

– То-то, что непокойно! – нахмурился Сидорчук. – Не припомню, чтобы Зайцев о чем-то таком хоть словом обмолвился, а у нас за пару дней уже две перестрелки. Не нравится мне это. Что за шантрапа вокруг нас крутится, хотел бы я знать! Чуднов, ты-то про это что думаешь?

Василий со смущенным видом почесал в затылке и признался:

– Ничего в голову не приходит, товарищ Сидорчук! Классовые враги.

– В этом я с тобой полностью согласен, – кивнул Сидорчук. – Вот что их к нам тянет, скажи! Медом, что ли, у нас намазано?

– Следовало бы еще допросить хозяина нашего, учителя, –

деловито сказал Ганичкин. – Для чистоты эксперимента. Вероятность, что стреляли в него, невелика, но все-таки она есть...

Сидорчук не дослушал, отвернулся и зашагал к дому. На крыльце с фонарем в руке стоял хозяин, трясущийся от страха. Его воодушевляло только присутствие Егорова, который прислонил к стене карабин и невозмутимо сворачивал самокрутку.

Ганичкин опередил всех, отобрал у Талалаева фонарь и принялся обследовать крыльцо и сени.

Он долго шаркался в тесном коридорчике, но наконец радостно воскликнул:

– Есть! По крайней мере, пулю мы имеем, Егор Тимофеевич! Из парабеллума пущена! Иван Петрович, сознайтесь, это вас собирались застрелить из парабеллума?

Учитель ошеломленно взглянул на него и ничего не ответил. Подбородок у него ходил ходуном. Ганичкин тихо засмеялся и повернулся к Сидорчуку, высвечивая на собственной ладони какой-то темный комочек.

– Извольте убедиться, калибр семь-шестьдесят пять! Возможно, я чего-то не знаю, но сдается мне, это и есть парабеллум. Патроны Борхардта – вещь на любителя. Утром можно будет поискать гильзу. Наш стрелок – человек с тонким вкусом. Хотя всякое может быть. По нашим временам любой голоштанник без проблем раздобудет какое угодно оружие...

– Что вы тут плетете? – грубо оборвал его Сидорчук. –

Трещите как сорока! Какая мне разница, из чего эта контра стрельяла? Пускай лучше вот этот припадочный ответит, кто тут у него палит по ночам! – Он надвинулся на учителя и схватил его за грудки. – Что трясешься, гад? Чует кошка, чье мясо съела? Втюхивал тут нам – того не знаю, этого не видел. Агнец невинный! Отвечай, кто стрелял? Кому ты сказал, что мы здесь?! Контрреволюцию разводишь, гад!

Если бы не мощная хватка Сидорчука, учитель непременно рухнул бы сейчас ему в ноги. Он был раздавлен и страшно напуган.

– Что вы? Какая контрреволюция? – забормотал Талалаев. – Для меня это такая же неожиданность, как и для вас. Что вы! Я честный человек. Всегда разделял передовые взгляды... Пожалейте старушку-мать, гражданин чекист!

Сидорчук опомнился, оттолкнул от себя учителя и с презрением сказал:

– Все вы тут честные! А пуля мне была приготовлена! Думаешь, я верю тому, что талдычит этот сыщик? В меня стреляли! В нас, в бойцов революции! Но тот, кто это сделал, горько о том пожалеет! Пощады не будет!

– Да что вы в самом деле, Егор Тимофеевич! – негромко произнес Ганичкин, приближаясь к нему. – Да посмотрите на бедного учителя. Какой из него контрреволюционер? Да и насчет того, кто в кого стрелял, следует разбираться. Ночью, знаете ли, все кошки серы, как говорится. Поспешные выводы могут повести нас по ложному следу.

Сидорчук гневно посмотрел на него, оттер плечом и пошел в дом.

Глава 5

Председатель Веснянского горисполкома оказался коренастым крепким мужиком с желтоватым круглым лицом и абсолютно лысым черепом. Возле темечка красовался угловатый шрам, вероятно, от сабельного удара. У председателя были сильные мозолистые руки, а на гимнастерке был пришит орден Красного Знамени. Имя у него оказалось заковыристое – Аполлинаруй Матвеев, но он сразу же велел Сидорчуку звать его Андреем.

– Я, знаешь, своего имени не люблю с детства, – признался председатель. – Родителей грех осуждать, но что это такое – Аполлинаруй! Крестный ход какой-то, а не имя! Его святейшество Аполлинаруй! Мне Андрей больше по душе – меня все так и зовут. Значит, из самой Москвы к нам прибыли. По какому, если не секрет, делу?

– Товарищ здесь один проживал, – объяснил Сидорчук. – В одна тысяча девятьсот восемнадцатом году. Был направлен сюда партией долечиваться – ранение у него было. А вот теперь пропал он. Ни слуху ни духу. Сведений о том, что погиб, не имеется. Вот мне и поручено его найти. Поможешь?

Предисполкома внимательно посмотрел на него и задумчиво сказал:

– А ведь тут уже приезжали от вас люди. Они тоже товарища искали. Не того же самого? Как бишь его фамилия, сразу

не припомню – Портнов? Портков?

– Постнов, – подсказал Сидорчук.

– Точно! Постнов! – обрадовался председатель. – Чего это он вдруг вам так понадобился, а? С восемнадцатого года никто не вспоминал, а тут просто нарасхват!.. Что за товарищ, чем знаменит?

– Хороший товарищ, – жестко сказал Сидорчук. – Революционер отважный. А не вспоминали, так ведь на то причина была. Я всего тебе, Андрей, рассказать не могу, не имею права, хотя ты и геройский человек, как я вижу. Революционная дисциплина, сам понимаешь.

– Это верно, – кивнул председатель. – Только я почему спросил? Для прояснения ситуации. Ведь не знаю я, где вашего Постнова искать! Не знаю! Я и в прошлый раз то же самое сказал. Да ты сам посуди – я человек тут новый, можно сказать, посторонний, из Тулы сам. Воевал под Царицыном, под Астраханью, в одиннадцатой армии, вместе с самим товарищем Кировым, это да. Ранение получил, лихорадку подцепил, по госпиталям долго валялся, а потом партия меня сюда направила. Вот и кручусь. Должен тебе сказать, место тут бойкое. Уши остро держать приходится. С новой экономической политикой всякая сволочь повылазила. Какие-то темные типы торчат на каждом углу, спекулянты, бандиты, диверсанты из Польши пробираются. Даже ходят слухи о тайной монархической организации, во как! Почувствовали слабинку, значит! Надеются старое вернуть.

– Ну это им вот! – убежденно сказал Сидорчук, складывая из пальцев огромную дулю. – Хотя, по правде, мы тоже заметили, что у вас тут беспокойно. Мало того что по дороге нас какие-то недобитки обстреляли, так сегодня ночью на Вишневой тоже кто-то в меня шмальнул.

– Да ты что? – забеспокоился председатель. – И что, этот гад конкретно в тебя метил? Кто стрелял – видел?

– Ясно, что нет, – проворчал Сидорчук. – Говорю же, ночью дело было. Не выпался. Но мне интересно, кто мог вчера знать, что мы приедем?

– Уверен, что именно тебя караулили?

– Да как сказать, – с досадой протянул Сидорчук. – Вроде бы не могли они знать. С другой стороны, стреляли же. Тут мне мысль подкинули – мол, по хозяину это пальнули. Может, оно и так, только меня и его спутать даже в темноте трудно. Видишь, я-то из себя каков, а он... Заморыш, одно слово!

– Это ты у кого же заночевал?

Сидорчук назвал имя учителя.

Председатель оживился и сказал:

– А вот Ивана Петровича я знаю! Большой энтузиаст по части ликвидации неграмотности. Живется ему трудно, но от работы не отлынивает, понимает, что республике нужны грамотные люди. В субботниках принимает участие, несмотря на слабое здоровье. Молодец! Врагов у него нет, хотя... Знаешь, вот ты сейчас сказал, а я и подумал – многим тут

наша власть точно кость в горле. Может, и решил кто-то ударить по самому больному, по приметам новой жизни, так сказать. Сегодня в учителя стреляли, завтра в комсомольца...

– Постой! – перебил его Сидорчук. – Говорю же, не спутаешь нас.

Председатель задумался, потом посоветовал:

– Тогда иди к своему брату-чекисту. У нас ГПУ возглавляет Черницкий, преданный делу революции человек. Вся беда в том, что он тоже не местный. Знаешь, тут в девятнадцатом была неприятность. Белые прорвали фронт. Какой-то летучий отряд ворвался в город. Гарнизон малочисленный, плохо обучен. Сам понимаешь, лучшие люди на фронте были. Одним словом, навели здесь белые свой порядок. Ненадолго, но покуражились вовсю. Предшественника моего повесили, расстреляли весь актив. Уничтожили документацию, все, что касалось новой власти. Время вспять повернуть хотели. Ничего у них, конечно, не вышло, но крови пролилось немало. Так что очевидцев тех событий почти не осталось, искать их надо. Если какие документы и сохранились, то только старые записи в архиве. Честно говоря, не до того мне пока. Насущных проблем хватает. В общем, обратись пока к Черницкому, может, он чего подскажет. Если нужда будет, заходи в любое время. Ты к нам надолго?

– Это как дело пойдет, – уклончиво сказал Сидорчук. – Сейчас нам с товарищами квартиру какую-нибудь подыскать

бы. Чтобы мотор можно было поставить, ну и вообще... Не сможешь?

– Та-ак. – Председатель задумчиво потер загорелую лысину. – С жильем у нас туго, по правде сказать. Есть в городе дом бедноты, что-то вроде клуба для трудящихся, но там пока полная разруха. Сам я комнату у старухи снимаю. Гостиницу нэпман в центре открыл, но дерет три шкуры. Думаю, вам лучше всего подыскать что-нибудь на окраине.

– Да уже подыскали! – хмыкнул Сидорчук. – Боюсь, на той окраине нам уже не рады. А в ГПУ не получится?

Матвеев пожал плечами и ответил:

– Да у них тоже тесно. Правда, гараж имеется. Поговори, все-таки свой брат-чекист, не откажет. Их адрес – улица Свободы, пятнадцать.

– Посмотрим, – сказал Сидорчук, встал и протянул председателю руку. – Если что, я еще зайду.

– Заходи, – разрешил Матвеев.

Сидорчук вышел на улицу. Егоров задумчиво курил, присев на подножку автомобиля. Чуднов весело поглядывал по сторонам и безошибочно вычислял среди прохожих симпатичных молодок. Он многозначительно перемигивался с ними, однако не предпринимал никаких решительных действий. Боец знал, что это не понравится командиру.

Ганичкина ни в машине, ни поблизости не было, и этот факт вверг Сидорчука в полную мрачность. Он вспомнил, что с утра господин из бывших нарядился полным франтом,

нацепил галстук, вставил в петлицу какой-то дрянной цветок и даже побрызгался туалетной водой, от которой за версту несло борделем. На вопрос, что это за маскарад, он с любезной улыбкой пояснил, что собирается покрутиться в людных местах, разузнать новости, одним словом, заняться сыскным делом.

– Где этот?.. – спросил он Чуднова.

Василий понял его с полуслова и охотно сообщил:

– Говорил, что прогуляется немного. Выпьет стаканчик-другой. Сказал, чтобы не ждали.

– Сукин сын! Ну, я тебе устрою! – процедил сквозь зубы Сидорчук и скомандовал: – Заводи! Едем по адресу улица Свободы, пятнадцать.

Местный отдел ГПУ занимал двухэтажное старинное здание из красного кирпича. У входа стоял часовой, угрюмый чубатый парень в кожаной куртке с винтовкой на плече. На представление Сидорчука он отреагировал довольно равнодушно и сообщил, что в данный момент никого в отделе нет. Все отправились на операцию, а он поставлен здесь для того, чтобы ни одна душа не проникла в здание и не учинила там диверсию. Ссылки на близкое знакомство с председателем исполкома не произвели на чубатого парня никакого впечатления. Знакомиться с мандатом Сидорчука он категорически отказался, пояснив, что в его полномочия это не входит.

Егор Тимофеевич был даже доволен таким упорством часового. Он приказал товарищам дожидаться возвращения

отряда ГПУ с операции.

Ждать пришлось долго. Только часа через три появился старенький битый грузовичок, в кузове которого сидели люди с винтовками. Машина остановилась у входа в здание, и бойцы ГПУ попрыгали на землю. Вид у всех был усталый. Лица и форменная одежда – все было покрыто слоем дорожной пыли.

Из кабины выбрался командир. Это был худой, черный от загара человек в кожанке, в фуражке с красной звездочкой и с револьвером на поясе. В морщины на его лице тоже набилась пыль, и от этого оно казалось особенно темным. Такая же пудра лежала на стеклах пенсне и на тоненьких усиках, украшавших его верхнюю губу. Ступив на землю, он первым делом протер пальцами стекла и подслеповато огляделся кругом. Несмотря на невольную беспомощность взгляда, какая обычна для людей со слабым зрением, его лицо демонстрировало холодную решимость и беспощадность. Похоже, это выражение не сходило с лица Черницкого, даже когда он спал.

Он заметил поблизости машину Сидорчука и нахмурился. Черницкий нацепил на нос пенсне, жестом подозвал одного из бойцов, указал пальцем на подозрительный объект и отдал какое-то распоряжение. Но Егор Тимофеевич, предупреждая события, уже сам шел навстречу, на ходу доставая из кармана мандат, подписанный коллегией.

На Черницкого документ произвел должное впечатление.

Он даже позволил себе скупое мужское объятие с товарищем из центра и радушно пригласил его в свой кабинет. Сидорчук приказал своим оставаться при машине и отправился вслед за Черницким.

– А мы в деревню выезжали, – сообщил тот, когда они вдвоем уселись в его рабочем кабинете. – В Малую Хватовку. Тут неподалеку. Была информация, что туда должны гонцы прийти. У нас ведь тут обстановка сложная, товарищ Сидорчук. Ты не смотри, что с виду такая тишь да благодать. Копнешь только – и такой гадюшник открывается! С этой новой экономической политикой контрреволюционный элемент совсем осмелел. Волю почувствовали! Представляешь, есть у нас сведения, что в Веснянке действует контрреволюционное подполье, связанное с центром в Польше. Пока они себя не проявляют, но сведения точные. Мы сейчас пытаемся на них выйти. Верный человек сказал, что в Хватовке вроде бы должна состояться встреча их руководства с курьером из центра. Сорвалось у нас! Того человека два дня назад убитым в овраге нашли. А курьер не явился. Все коту под хвост.

– Постой, сам говоришь, руководство, встреча... Значит, есть какие-то зацепки? – сказал Сидорчук. – Взяли бы да разворошили напрочь осиное гнездо!

– Да нет по существу никаких зацепок, – поморщился Черницкий. – Был тут один тип, которого мы подозревали. Мутный такой. Когда мы его взяли, он кое-что выложил. До

сих пор не знаю, врал или на самом деле... Но раз он теперь труп, значит, не брехал все-таки. Но толком ничего он не сказал – одни намеки. Будем дальше искать. Людей у меня мало! А тебя к нам что привело?

Сидорчук кое-что рассказал, но опустил важнейшую часть задания, которая касалась бриллиантов.

Черницкий почесал в затылке и проговорил:

– А ведь припоминаю, с месяц назад приходили ко мне ваши и по тому же вопросу. Но я и им и тебе скажу, что про этого человека ни разу не слышал даже. Тут такие метаморфозы творились – уму непостижимо. Да и сейчас тоже... Я тебе еще не все рассказал. Белое подполье, кулацкие происки, бандитизм в городе из ряда вон. Есть тут такой красавчик по кличке Зуб. Злодей особенный, первостатейный! Милиция наша с ног сбилась, никак поймать его не может. Он со своей шайкой уже дважды на зарплату рабочих с кирпичного завода покушался. Первый раз удачно, второй – не вышло. Все-таки ученые мы стали. Ну а шпану всякую, одиночек я уж и не считаю. Нет, не самая спокойная здесь жизнь, товарищ Сидорчук!

– Я это уже и сам хорошо заметил.

Сидорчук рассказал о том, что с ними произошло за последние два дня.

Выслушав его, Черницкий энергично замотал головой и категорично заявил:

– Это не наши! Ну, ты сам подумай – говоришь, приехал

вечером, никто не знал. С учителем, у которого вы остановились, я знаком – тишайший человек, ни в чем категорически не замешан. В том районе один мой сотрудник живет. По его словам, там на удивление спокойно. Так что тут что-то совсем другое. Среди своих измены не может быть?

Он впился взглядом в Сидорчука. Стекла пенсне тревожно блеснули.

– Да вот берут меня сомнения, – озабоченно сказал Егор Тимофеевич. – К нам, понимаешь, один бывший сыщик числен. В качестве спеца. В главном управлении ему, видишь ли, доверяют. А я все думаю, не ошибка ли? Ну не верю я ему, понимаешь? Враг он!

– А это очень даже вероятно, – серьезно отозвался Черницкий. – Может, он планы вынашивает вас уничтожить. Вдруг у него пособники имеются? Где он у тебя сейчас?

– Да в том-то и дело, что не знаю! – воскликнул Сидорчук.

– Ну вот! – Черницкий многозначительно поднял вверх указательный палец.

– Он сам себе голова, – с горечью сказал Егор. – Рассуждает много и действует по своему разумению, без приказа. Ты вот что, брат, соедини-ка меня с Москвой. Мне с товарищем, который нас сюда направил, поговорить надо. Как хочет, а пусть забирает себе этого золотопогонника.

– Да я бы с радостью, – развел руками Черницкий. – Только связи со вчерашнего дня нету. Ни с кем. Провод, видать, где-то оборвался. Знаешь, что мы теперь сделаем? Давай-ка

я твоего жандарма нейтрализую! Посидит у меня в кутузке, пока телефонную связь наладят.

– Каким же макаром мы это сделаем? – удивился Сидорчук. – Мне без приказа его арестовывать не с руки.

– А тебе ничего делать и не надо. Ты нам его имя скажи, личность опиши, а уж мы сами о нем позаботимся, милицию подключим.

– Ну что же, – задумался Сидорчук. – Может, ты и дело говоришь. Пускай этот Ганичкин и правда у тебя в холодной погостит, пока я с командованием разберусь. А то как бы не спроворил он мне пулю в спину. Один раз не вышло, так второго ждать не будем. Он сейчас где-то по вашим кабакам шляется. Это у него называется сыском.

– Так в кабаке мы его мигом схватим, – заявил Черницкий. – Самое милое дело. Можешь не беспокоиться. У нас регулярно там облавы. Все уже привыкли. Да толку пока мало.

Глава 6

Ганичкин вошел в ресторан небрежной походкой прожигателя жизни. На нем был вполне столичный костюмчик, в нагрудном кармане красовалась бутоньерка в виде красной гвоздики, на указательном пальце – перстень, который в интимной полутьме вполне мог сойти за золотой. На губах блуждала снисходительная улыбка, а правая рука поигрывала щегольской тростью, не виданной в этом городке аж с тысяча девятьсот шестнадцатого года.

Ганичкин быстрым цепким взглядом охватил невеликий зал сего злачного места. На помосте сиротливо стояло обшарпанное пианино. Десяток столиков накрывали не слишком накрахмаленные, но вполне чистые скатерти. На буфетных полках заманчиво поблескивали ряды пузатых бутылок с разноцветными жидкостями.

Единственный посетитель – губастый широкоплечий молодец в серой тройке – с аппетитом поедал жаркое из кролика. Данный субъект казался полностью сосредоточившимся на еде, но фигура Ганичкина привлекла его внимание. Он так плотоядно ее осмотрел, будто намеревался присоединить к своему завтраку в качестве очередного блюда. Ганичкин отметил этот взгляд, который его заинтересовал.

Не подавая виду, бывший сыщик тут же подозвал официанта, попросил принести большую рюмку водки и томно до-

бавил:

– Ну и селедочки с лучком, любезный! А там посмотрим, как организм покажет. Я сегодня аппетита еще не нагулял, знаете ли.

На самом деле он был стеснен суммой, выделенной ему еще в Москве бухгалтером спецотдела. Она никак не позволяла пускаться в купеческий разгул. Приходилось выезжать на манерах и смекалке.

Официант оценил манеры и бутоньерку в петлице. Заказ незнакомого барина он готов был выполнить в один момент, но тот задержал его.

Ганичкин заранее заткнул за воротник салфетку и спросил:

– Вы человек общественный, имеете кругозор. Как полагаете, возможно в вашем городе снять квартиру или хотя бы комнатку, но так, чтобы покой и приватность были гарантированы? Я здесь впервые и хотел бы положиться на мнение опытного, знающего человека.

– Снять, отчего же, можно-с! – вежливо сказал официант. – Хоть номер в гостинице, хоть частное жилье. Весь вопрос в том, какие у вашего благородия имеются возможности. Господин Кормилицын, правду сказать, большие деньги дерет. Предполагаете заняться коммерцией или просто мечтаете отдохнуть на лоне, так сказать, природы?

– Думаю, что одно другому не помешает. – Ганичкин самодовольно улыбнулся. – Виды у вас тут знатные. Березки,

сирень цветет. Обожаю сирень!

– Сирень, это да, – кивнул официант. – Сады еще. Цветут знатно. Как в старое, извиняюсь, время. Даже не верится.

– Ничего, всегда нужно надеяться на лучшее, – сказал Ганичкин. – И старые времена вполне могут вернуться, я вам обещаю. Вы только не забудьте – большую рюмку.

Воодушевленный официант убежал выполнять заказ, а Ганичкин продолжил разглядывать зал. Одна стена этого помещения была расписана местным художником под африканские джунгли. Из-за неизвестных науке приземистых пальм сквозь широкие листья на Ганичкина смотрели дикари в бусах и с копьями в руках. Плохие краски давно потемнели, поэтому картина не сразу бросалась в глаза.

Мужик, доедавший кролика, тоже все посматривал на Ганичкина. Когда мимо пробежал официант с заказом, перехватил его и о чем-то принялся расспрашивать, то и дело кося на чужака глазом. Официант держался с ним почтительно, терпеливо и не сразу добрался до бывшего сыщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.